

**ІНСТЫТУТ ГІСТОРЫІ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ
ПОЛАЦКІ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНЫ ЗАПАВЕДНІК**

**«ГІСТОРЫЯ І АРХЕАЛОГІЯ ПОЛАЦКА
І ПОЛАЦКАЙ ЗЯМЛІ»**

**(Навуковая канферэнцыя, прысвечаная
1130-годдзю Полацка)**

Полацк —1992.

ІНСТЫТУТ ГІСТОРЫІ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ
ПОЛАЦКІ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНЫ ЗАПАВЕДНІК

**Навуковая канферэнцыя «Гісторыя і археалогія
Полацка і Полацкай зямлі».
Тэзісы дакладаў**

Полацк — верасень 1992 г.

**Складальнік Джумантаева Т.А.,
намеснік дырэктара па навуковай рабоце ПГКЗ.**

Старажытны Полацк у 1992 г. другі раз (пасля 1987 г.) прымае удзельнікаў навуковай канферэнцыі «Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі». Можна лічыць, што такія сустрэчы ўжо сталі традыцыйнымі. Тым больш, што ад іх палачане чакаюць гістарычных адкрыццяў, знаёмства з новымі старонкамі жыцця Полацка і Полаччыны ў розныя часы.

Канферэнцыя 1987 г., прысвечаная 1125-гадоваму юбілею Полацка, прадэманстравала вялікі інтарэс шырокага кола навукоўцаў да гісторыі нашага краю. У ёй прынялі ўдзел вядомыя вучоныя з Масквы, Ленінграда, Кіева, Калугі і Мінска. Спадзяёмся, што садружнасць навукоўцаў сёння, у наш складаны час, пакажа, што для сапраўднай навукі не існуе дзяржаўных і нацыянальных межаў.

Мінулая канферэнцыя не толькі паглыбіла і пашырыла нашы веды ў галіне гісторыі культуры, але прынесла сапраўдныя нечаканыя адкрыцці, якія будуць спрыяць стварэнню новых экспазіцый і музеяў у сістэме гісторыка-культурнага запаведніка.

Канферэнцыя 1992 г., як і мінулая, мае на мэце: прасачыць развіццё гістарычнай навукі за прашоўшыя 5 год, вызначыць асноўныя накірункі археалагічных і гістарычных пошукаў і даследванняў, выпрацаваць напрамкі развіцця Полацкага гісторыка-культурнага запаведніка ў і адпаведнасці з дасягненнямі гістарычнай навукі.

Акрамя таго, збіранне лепшых навуковых сіл мае задачу прыцягнуць не толькі ўвагу грамадскасці да Полацка, але спрыяць адраджэнню горада як цэнтра адукацыі, навукі і культуры, як сапраўднага духоўнага сэрца Беларусі.

З М Е С Т

Анішчанка Я. К.	—	Здымкі Лепельскага павета 1802—1817 гг.
Бектинеев Ш. И.	—	Полоцкие гирьки-разновесы.
Блинова Т. Б.	—	Иезуитские конвикты в Полоцке.
Полоцкий иезуитский музей.
Володихин Д. М.	—	Русские летописи и разряды, а также сочинения иностранцев о взятии Полоцка в 1563 г.
Гигорьева В. В.	—	Из истории Полоцкой учительской семинарии.
Грыцкевіч В. П.	—	Актуальныя патрэбнасці беларускай гістарычнай навукі і адукацыі.
Данько Л. Ф.	—	К вопросу о восстановлении Покровской церкви в Полоцке.
Дубянецкі Э. С.	—	Матэрыяльнае становішча служачых полацкага кадэцкага корпуса ў XIX ст.
Дучыц Л. У.	—	Жывёлы, птушкі і дрэвы ў пахавальным абрадзе полацкіх крывічоў.
Зайкоўскі Э. М.	—	Камяні — краўцы як помнікі паганскай культуры.
Заяц Ю. А.	—	Полоцкие события «Саги об Эймунде».
Здановіч Н. І.	—	Ангобны роспіс на бытавой кераміцы Полацка XVII—XIX стст.
Иванова Л. С.	—	Из истории реформационной церкви в Полоцке (вторая пол. XVI — первая пол. XVII вв.)
Калядзінскі Л. У.	—	Верхні замак Віцебска ў XI—XVII стст. (этапы станаўлення).
Касмылёў В. С.	—	Полацкі часовы манетны двор.
Квяткоўская А. В.	—	Даследаванне каменных магіл каля в. Ваўча Докшыцкага і в. Перавоз Глыбоцкага раёнаў.
Киштымов А. Л.	—	Научно-педагогическая деятельность полковника А. П. Аргамачова.
Колосовский Ю. В.	—	Позднезарубинецкие традиции в керамике северо-востока Белоруссии в I пол. I тыс. н. э.
Ксензов В. П.	—	Мезолитическая кундская культура на территории Полоцкой земли.
Кузнецова С. А.	—	Полацкія навучальныя установы ў пачатку XIX ст. (па матэрыялах рэзвіі В. І. Сявергіна).
Куприянов В. А.	—	к вопросу о землевладении и строении Полоцкого Спасо-Евфросиньевского монастыря сер. XIX — н. XX вв.
Кушнярэвіч А. М.	—	Да гісторыі мураванага культавага дойлідства Полацкай зямлі XIII—XIV стст.
Ласкавы Г. В.	—	Мечи Полоцкой земли (IX—XIII вв.).
Левко О. Е.	—	Археологическое исследование Орши.
Линёва Е. А.	—	Первопроходцы дреговичской земли.
Назарова Е. Л.	—	Полоцкая летопись о князьях Ерсике и Кокнесе.
Насевіч В. Л.	—	Род Корсакаў — адзін са старажытных баярскіх родаў Полаччыны.
Пашкевіч У. І.	—	Полацк у гады Паўночнай вайны.

- Перхавко В. Б. — Западновинская магистраль и связи Древней Руси с западнославянскими землями.
- Пирог П. В. — К вопросу о борьбе населения Полоцка с унией в первой пол. XVII в.
- Пуцко В. Г. — Триумфальный крест на Борисовых камнях.
- Семянчук А. А. — Падзеі Лівонскай вайны (1558—1583) на Полаччыне (У «Хроніцы» Мацея Стрыйкоўскага).
- Семянчук Г. М. — Новая катэгорыя археалагічных помнікаў на тэрыторыі і Полацкай зямлі (грунтавыя магілёнікі X-XIII стст.)
- Сергеева З. М. — О янтаре X—XIII вв. на западнорусских землях.
- Таляронак С. В. — Грамадска-палітычны рух на Полаччыне ў час вайны 1812 г.
- Тарасаў С. В. — Дэмаграфічная і структура Полацка IX-XVII стст. па гісторыка-археалагічных крыніцах.
- Филатова Е. Н. — Полацкая епархия и народное образование (на примере Полоцкого уезда).
- Цейтлина М. М. — Сравнение технологических особенностей росписей Спасо-Преображенской церкви в г. Полоцке и соборов XII в. г. Владимира.
- Шадыро В. И. — Этнокультурная ситуация на белорусско-литовско-латышском порубежье в I тыс.
- Штыхов Г. В. — «Отчина» и «жизнь», «село» и «дом» полоцких князей.
- Рождественская Т. В. — Ешчэ раз о надписи XI в. на камне из Софийского собора в Полоцке.
- Салеев В. А. — Полоцк как центр региональной культуры: истоки и современность.

Я. К. Анішчанка,
ІГАНБ.

ЗДЫМКІ ЛЕПЕЛЬСКАГА ПАВЕТА. 1802—1817 г.г.

Суцэльнае картаграфаванне беларускіх зямель, поруч з апісаннем фізіка-геаграфічных аб'ектаў і з'яў, актыўна распачалося пасля 1772 г. Найбольш дасканалая талаграфічная і картаграфічная іх характарыстыка была зроблена на час Генеральнага межавання Магілёўскага і Полацкага намесніцтваў. Аднапаведныя работы ахапілі новаствораны Лепельскі павет у 1802 г. і здзяйсняліся штатам Віцебскай губернскай чарчэжнай па царскаму распараджэнню ад 30.06.1797 г. аб стварэнні Атласа на Беларускаю губерню.

Інструментальныя здымкі вяліся паводле «Наставлення землемерам к снятию земель присоединенной части от Минской губернии» (24 пункты), складзенага губернскім каморнікам, надворным саветнікам Клімянцеем Антонавічам Тамашэўскім. Інструкцыя падзяляла павет на дыстанцыі, па каторых каморнікам даручалася «самовернейшим образом различать порознь все угодья: пашни, сенокосы, леса строевой и дровяной, болота и пески, озёра, реки, речки, ключи, горы и тому подобное без малейшего упущения». На кожную дыстанцыю складаўся Генеральны план, у маштабе 500 сажэнь у дзюйма (1:21000), да якога далучалася эканамічная заўвага-статыстыка — геаграфічнае апісанне тэрыторыі. Памешчыкі выстаўлялі да паслуг каморнікаў падводы, па 13—15 сялян на геадэзічныя працы, прадстаўлялі дакументы і г. д.

3-за шэрагу прычын здымкі працягваліся да жніўня 1816 г. па 7 дыстанцыях пад кіраўніцтвам губернскіх каморнікаў Цюнькова Якава Іванавіча і Мазалоўскага Антона Якаўлевіча. Першымі да вымярэнняў прыступілі правінцыяльныя сакратары, себержскі каморнік Есіповіч Грыгорый Фёдарвіч і невелскі — Скокаў Андрэй Якаўлевіч, гарадзкі шляхціц Саленік Трафім Міхайлавіч, люцынскі — цітулярны саветнік Губанаў Сцяпан Іванавіч, веліжскі — Котаў Мікалай Андрэевіч. У сакавіку 1815 г. да іх былі прыкамандзіраваны тры афіцэры світы я. І. в. па кватэрамейскай частцы пад кіраўніцтвам падпалкоўніка Маліноўскага якія рабілі статыстычныя карты губерні. 31 мая 1816 г. быў скончаны першы белавы варыянт павятовага плана, 17 ліпеня — складзены два варыянты — у губернскі архіў і для Сімбірскай межавой канторы. Яшчэ два планы да 27.07.1817 г. зрабілі Кладніцкі Ігнат Фёдаравіч. Шміт Мікалай Філіпавіч, Рэмбартовіч Іпаліт Антонавіч, Сянчкоўскі Адам Дзям'янавіч, якія нанеслі апошнія 84 маёнткі (з 346 уладанняў) полацкай часткі павета.

Вынікам здымак стаў аднавёртны план павета (1:42000), які захаваўся ў двух варыянтах, без эканоміка-геаграфічнага апісання. Аўтар аднаго належыць суражскаму каморніку, безпамеснаму шляхціцу Саленіку Луке Паўлавічу. Палотнішча памерам 340x341 см арыентавана

розай вятроў, мае карандашную сетку, для змяншэння ў іншы маштаб. Акрамя паўночна-заходняй часткі, план змяшчае падравязную гідраграфічную сітуацыю, планы малюнак паселішчаў і дарог, межаў уладанняў, лесапакрыцця, багнаў і т. д. Паводле каталога павятовага суду за 1816 г., каморнікі намагаліся зафіксаваць 290 маёнткаў з 5142 дварамі да рэвізіі 1796 г. і 6741 дварамі па рэвізіі 1811 г., 8 мястэчак (Камень, Чашнікі, Бешанковічы, Ула, Пышна, Кублічы, Селішча, Ушачы), 41 фяльваркаў, слабаду, дзве пустэчы, 31 сёлаў, 136 сельцаў, 167 засценкаў, 731 вёскі.

Але поўнае афармленне нагрукі цягнулася да 1821 г. стараннем дрысенскага каморніка, безнамеснага кіеўскага двараніна Сянчкоўскага А. Д. Неад'емнай часткай Генеральнага плана з'яўляецца асобны малюнак горада Лепеля з выганам, створанага Т. М. Саленікам (10.11.1804 г., у лютым, 12 сакавіка і 17 верасня 1806 г.). Маюцца таксама тры гарадзкія планы таго ж аўтара за 1809—1811 гг. у маштабе 2 і 5 вёрстаў.

Працяглы і калектыўны працэс стварэння Лепельскага плана адбіўся на якасці і дакладнасці графічнага выяўлення наменклатуры мясцовасці, тлумачыць акалічнасці беспаспяховасці работ над Атласам Беларускай губерні.

ПОЛОЦКІЕ ГИРЬКИ-РАЗНОВЕСЫ

Ш. И. БЕКТИНЕЕВ,
ИИАиНБ

Особенностью денежного обращения западных земель Руси в IX—середине XIII в. и Великого княжества Литовского (ВКЛ) с середины XIII в. до 90-х годов XIV в. является практическое полное отсутствие чеканной монеты. Использовались привозные денежные знаки: куфические дирхемы (IX—начало XI в.), западноевропейские денарии (2-я половина X—начало XII в.), византийские милиарисии (X—XII вв.), пражские гроши (XIV—XV вв.) и т. п. Кроме целых монет для оплаты использовались денежные серебряные слитки различного типа и их фракции, обломки монет, целые и фрагменты серебряных и золотых украшений.

На территории Белоруссии в X—XV вв. наиболее развитым в экономическом отношении являлся Полоцко-Витебский регион. В разные периоды велась торговля с Киевом, Новгородом, Смоленском, Тверью, Москвой, Ригой и Ливонией, Гданьском и Тевтонским Орденом, по-видимому, и с Византией. Монетная пестрота, употребление различных денежно-весовых систем в торговых операциях заставили использовать особые «инструменты» — весы и гирьки-разновесы. Они позволяли переводить весовые данные серебряных и золотых монет и слитков из одной денежной системы в другую.

На 1991 г. с белорусских археологических памятников известно 48 гирек (16 населенных пунктов), 13 вспомогательных гирек (3 пункта),

2 целых и 11 фрагментов монетных весов — чашечки и коромысла (11 пунктов). Больше всего этих вещей приходится на Витебскую область: 28 гирек-разновесов (7 пунктов), 13 вспомогательных гирек (3 пункта) и 5 фрагментов весов (3 пункта).

Непосредственно в Полоцке найдено 8 гирек-разновесов, 1 вспомогательная гирька и 1 коромысло от весов. Все разновидности имеют бочковидную или битрапецидную форму. Три экземпляра очень плохой сохранности и не подлежат исследованиям, но на одной из них сохранились четыре глазка. Четыре разновеса и вспомогательная гирька имеют кратность, обозначенную точками, на вспомогательной — крестом и плоскостями. У двух гирек определена предположительная кратность. Культурный слой и весовые единицы, соответствующие определенным номиналам, позволяют датировать гирьки X в.

Весовые единицы гирек определяются при делении ее реального веса на кратность, что дает вес, соответствующий определенной денежной единице какой-либо системы. Например, гирька имеет вес 16,78 г и кратность 5, тогда весовая единица равна 3,35 г, что близко весу ногаты 2-й половины X. в. в. 3,41 г.

По полоцким гирькам четко прослеживаются три денежные единицы — ногата в 3,41 г (в гирьке вес. ед. — 3,357 г), утроенная резана (в гирьке — 3,94 г), равная по весу «законному» дирхему в 3,97 г. Интервал в весе утроенной резаны по гирькам колеблется от 3,87 до 4,19 г. Вспомогательная гирька позволяет производить перерасчет из общерусской денежно-весовой системы в скандинавскую, т. к. одна ее весовая единицы чуть меньше 1/2 ногаты, а другая — меньше 1/10 скандинавского артуга в 8,5 г. Гирьки, как правило, по весу немного меньше теоретического, т. к. в древности трудно было подогнать нужный вес.

Полоцкие гирьки-разновесы показывают, что на Полотчине в X в. использовались две денежно-весовые системы: древнерусская общегосударственная (гривна = 20 ногатам = 25 кунам = 50 резанам = 68,20—68,25 г) и скандинавская, основанная на артуге в 8,5 г.

ИЕЗУИТСКИЕ КОНВИКТЫ В ПОЛОЦКЕ

(начало XIX в — 1820 г.)

**Т. Б. БЛИНОВА,
ГГУ.**

С момента появления иезуитов на территории Великого княжества Литовского их деятельность была неразрывно связана со школой, а, следовательно, с конвиктами, или пансионами. Все иезуитские коллегии, находившиеся в Восточной Белоруссии после первого раздела Речи Посполитой (1772 г.) т. е. Полоцкая, Витебская, Могилевская, Мстиславль-

ская и Оршанская, имели пансионы. Однако наибольшей популярностью среди них пользовался Полоцкий, предназначенный для детей шляхты¹. Он был открыт в 1802 г.² и размещался в двухэтажном кирпичном здании, приспособленном для длительного пребывания детей.³ Некоторое время одновременно с ним для сыновей, обедневших феодалов действовал конвикт «Хильзенев-Шадурских». Первое упоминание о его деятельности относится к 1803 г.⁴ и последнее относится к 1811 г.⁵ Оба пансиона не испытывали недостатка в мальчиках, отданных на воспитание к иезуитам. Даже после Отечественной войны 1812 г., вызвавшей значительную убыль населения в Витебской губернии, численность конвикторов не сократилась, а наоборот, возросла по сравнению с предыдущим временем⁶.

В Полоцкий шляхетский конвикт принимались дети от 8 до 14 лет. Все курсы наук они, наравне с Другими мальчиками, получали бесплатно в школах. Но за их пребывание в пансионе родители обязаны были платить достаточно умеренную по тем временам плату. Сначала она составляла 100 руб. серебром, а с 1818 г. — 150 руб. серебром⁷.

Руководство коллегии очень тщательно подходило к подбору членов ордена для работы в конвиктах. К ним предъявлялись следующие требования: во-первых, иезуит обязан был иметь хорошее образование и ученую степень не ниже профессора риторики и поэзии, а также в совершенстве владеть несколькими иностранными языками. Во-вторых, на конвикторские должности назначались ксендзы, обладавшие опытом педагогической деятельности. В-третьих, обязанности регентов (директоров) пансиона исполняли монахи, проявившие себя либо на научном поприще, либо на литературном, либо на художественном и т. д. Каждодневное общение с такими людьми не могло пройти для детей бесследно. Иезуиты умели вовремя обнаружить у них способности к той или иной сфере интеллектуального творчества и целеустремленно работать над их развитием. Поэтому не случайно, что из Полоцкого конвикта вышло немало художников, писателей, поэтов и религиозных деятелей.

Деятельность работников пансиона находилась под постоянным наблюдением начальства ордена. Нередко добросовестный труд иезуита в конвике служил веским основанием для продвижения его по служебной леснице.

В различные годы регенсами Полоцкого конвикта были Д. Рихардот, Ф. Боровский, Я. Перлинг и др.⁸ Все они оставили, яркий след в его работе. Исторические документы свидетельствуют о том, что дети с любовью относились к своим педагогам⁹.

Взяв мальчиков в пансион, иезуиты несли за них двойную ответственность: перед родителями и перед обществом. А поскольку они отрывались от семьи на довольно продолжительный срок, длившийся годами, полоцкие члены ордена считали необходимым заявить белорусской шляхте: «Мы занимаемся тяжелой работой по воспитанию молодежи единственно для хвалы Бога и добра отчизны. Прежде всего будем

стараться, чтобы молодые люди восприняли веру в Бога, добродетели, любовь к ближнему, верность Родине, уважение и благодарность к родителям»¹⁰. В этих словах отражено главное кредо педагогической деятельности «Общества Иисуса»: воспитывать в шляхтичах высокие моральные качества, наличие которых определяет ценность каждого человека как личности. Считая, что основой хорошего воспитания является религиозность, иезуиты в практической работе с детьми использовали широкий набор средств, способствующих ее укреплению в сознании ребенка.

Полоцкие иезуиты, работавшие в пансионе, большое внимание уделяли привитию навыков разговорной речи на иностранном языке, который в данный момент конвиктор изучал в школе. Если же кто-либо из мальчиков изъявлял желание упражняться в музыке, рисовании, живописи, танцах и т. д., то им предоставлялась и такая возможность¹¹.

Члены ордена умели заботиться о здоровье своих воспитанников. Их хорошо кормили. Заболевшим шляхтичам еда готовилась по предписанию врача¹². Большое внимание уделялось физическому воспитанию. В здании Полоцкого пансиона имелся большой зал, где ребята могли даже бегать¹³. Определенную часть дня они обязаны были провести на свежем воздухе. В теплые дни для конвикторов организовывались длительные прогулки до фольварка Спас, находящегося на расстоянии одной версты от города. Для старших мальчиков проводились занятия по фехтованию¹⁴. На случай болезни детей Полоцкая коллегия располагала светским доктором, оплата труда которого была высокой¹⁵. В документах, имеющихся в распоряжении автора статьи, отсутствуют данные о серьезных заболеваниях детей в указанное время.

Наряду с положительными чертами, присущими деятельности Полоцкого конвикта, необходимо отметить и наличие отрицательной. Это — дисциплина, понимание которой было доведено до крайности, конвикторам запрещалось покидать здание пансиона, посылать письмо, не получив на это разрешение регенса и т. д.¹⁶.

1. ЦГИА СНГ в С.-Петербурге, ф. 823, оп. 3, д. 1398, л. 2.
2. Там же, ф. 733, оп. 62, д. 1, л., 243.
3. ЦГИА БССР, в Минске, ф. 1781, оп. 26, д. 1398, л. 11 об.
4. *Materyału do dziejów Akademii Połockiej i szkół od niej zależnych*. — Kraków, 1905, s. 26.
5. *Ibid.*, s. 26
6. ЦГИА СНГ в С.-Петербурге, ф. 733, оп. 62, д. 1, л. 243; ЦГИА БССР в Минске, ф. 1781, оп. 28, д. 216, л. 36 об.; *Materyału do dziejów ...*, s. 27-28.
7. *APMP T.J. w Krakowie*, sygn. 1027-XV, s. 143; *Uwiedomienie o konwikcie Połockim jezuickim*. — „*Miesięcznik Połocki*”. — t. I, № 7, 1817; *Uwiedomienie o konwikcie Połockim jezuickim*. — Połock, 1818, s. 11.
- ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в С.-Петербурге, отдел «России», 13.VII.2.209.
- (Далее сноски на данный источник приводятся по последнему изданию).
8. *Brown J. Biblioteka pisarzyw assystencyi polskiey Towarzystwa jezusowego*. — Poznań, 1862.- s. 314-315, 340-341.
9. *APMP T.J. w Krakowie*, sygn. 1027-XV, s. 141-151; *Materyału do dziejów Akademii Połockiej ...*, s. 120-132.
10. *Uwiedomienie o konwikcie Połockim jezuickim*, s. 1.
11. *Ibid.*, s. 6; *APMP T.J. w Krakowie*, sygn. 1027-XV, s. 143.

12. Uwiadomienie o konwikcie Połockim jezuickim, s. 9.
13. APMP T.J. ..., s. 142; Materiału do dziejów ..., s. 123.
14. APMP T.J. ..., s. 147; Materiału do dziejów ..., s. 129.
15. ЦГИА БССР в Минске, ф. 1781, оп. 28, д. 216, л. 37; оп. 26, д. 1398, л. 17 об., 64 об.
16. Uwiadomienie ..., s. 7-8; Materiału do dziejów ..., s. 23.

ПОЛОЦКИЙ ИЕЗУИТСКИЙ МУЗЕЙ

Т. Б. БЛИНОВА,
ГГУ.

К числу важнейших достижений полоцких иезуитов относится создание музея. Его организатором явился выдающийся ученый, а также талантливый архитектор и художник Габриэль Грубер (1740—1805). Он прибыл в Белоруссию в феврале 1784 г., где орден, вопреки булле 1773 г. римского папы Климента XIV, запретившей деятельность «Общества Иисуса», продолжал действовать. Обосновавшись в Полоцке, Грубер приступил к созданию музея¹. В 1788 г. здание, спроектированное им и предназначенное для размещения коллекций, было построено². В нем разместились не только физико-механические и естественной истории кабинеты, но и химическая лаборатория, библиотека, картинная галерея и театральный зал с многочисленными декорациями³. Грубер вложил недюжинный труд и мастерство художника в эстетическое оформление музея, украсив его Залы фресками⁴.

Для физико-механических кабинетов музея он лично изготовил несколько механизмов и инструментов, поразивших своим совершенством. Кроме того, из братьев ордена Грубер подобрал несколько человек и обучил их. Впоследствии они стали настоящими профессионалами своего дела, помогавшими ему в оборудовании музея. Среди них следует назвать Схопфера Франциска-Ксаверия, Схмидта Кшиштофа и Соммера Яна⁵.

У Грубера были достойные продолжатели его начинания, вложивших немалый труд в сбор фондов музея. Ими были в Ф. Рикка, Ю. Цитович и др.⁶.

Музей располагал богатейшими коллекциями. В кабинете естественной истории в банках со спиртом находились уроды людей и зверей. Здесь же были чучела некоторых представителей животного мира и птиц⁷, «разных земельных металлов, драгоценных и разных камней, мрамора

и каменных вещей, как иностранных, так и внутренних, между которыми есть отличное собрание сибирских металлов, а также особое собрание земель, камней и веществ окаменевших в окружности города Полоцка собранных»⁸. Как отмечали современники, в этом же помещении имелись «предметы, изготовленные из дорогих камней»⁹. Результаты своих научных открытий по исследованию почв Витебской губернии иезуиты также отражали в нем¹⁰.

В двух физико-механических кабинетах музея экспонировались «электрические машины и другие физические аппараты, механические, оптические, астрономические...»¹¹. Среди них было много действующих, в том числе полиспат, служащий «к поднятию человека собственно его силою», модель машины с помощью которой забивались в землю сваи и т. п.¹². Там же размещались телескоп и редчайший музыкальный инструмент¹³.

Музей имел зал, оборудованный для занятий по рисованию, живописи и архитектуре. В нем были представлены модели всех архитектурных стилей эпохи античности и средневековья, а также выполненные из алебастры детали отдельных ордеров. Здесь находились и модели двухэтажного дома, печи для выжигания кирпича, пиловальни, подкрышья, служащего для высушивания бревен, простейшего деревянного строения из столбов и балок и даже «модель постройки корабля на 1,5 аршина длиною и в один аршин шириною, с парусами и протчим»¹⁴.

Химическая лаборатория была очень богато снабжена всевозможным оборудованием. В ней имелось все необходимое «к разным операциям химическим: стеклянным и нужных сосудов и орудий, печей для расплавления и чищения материалов»¹⁵.

В галерее размещались редчайшие шедевры, могущие служить украшением любого европейского музея: четыре мозаичные картины, янтарные вещи, часть из которых была выполнена на высочайшем художественном уровне, четыре пальмовых листа, содержащих малабарское письмо, а также свыше 4000 гипсовых оттисков всевозможных медалей. На стенах галереи висело несколько картин-копий, принадлежащих кисти польского живописца Недвецкого, бывшего воспитанника иезуитов¹⁶.

Музей Полоцкой иезуитской коллегии, а с 1812 г. — Академии, пользовался большой известностью и заслуженной славой. Он служил не только учебным целям, но и выполнял величайшую функцию: знакомил своих посетителей с передовыми достижениями западноевропейской науки и техники.

1. Poplatek J., Paszenda J. Słownik jeyuitów artystów. — Kraków, 1972. — s. 120.

2. Zaleski S. Jezuiti w Polsce. — Kraków, 1908, s. 259.

3. ЦГИА БССР в Минске, ф. 1781, оп. 26, д. 1398, л. 11 — 11 об.

4. Poplatek J., Paszenda J. Słownik ..., s. 120.

5. APMP T.J. w Krakowie, sygn. 350. Compendia vitarum defunctorum in Collegio Polocensi S.J. ab anno 1749 ad annum 1815, s. 92-93; sygn. 845-II, s. 53, 159.

6. Ibid., sygn. 350, s. 96-97; sygn. 303, s. 44.

7. Ibid., sygn. 1027-XV, s. 147.

8. ЦГИА СНГ в С.-Петербурге, ф. 733, оп. 62, д. 1, л. 242 об.
9. Там же, д. 1065, л. 23.
10. ARMP T.J. w Krakowie, sygn. 1027-XV, s. 206.
11. ЦГИА СНГ в С.-Петербурге, ф. 733, оп. 62, д. 1065, л. 23.
12. Там же, ф. 379, оп. 3, д. 771, л. 10-10 об.
13. ARMP T.J. w Krakowie, sygn. 1027-XV, s. 147; Materiały do dziejów Akademii Połockiej i szkół od niej zależnych. Zebrał i J. — Kraków, 1905, s. 128.
14. ЦГИА СНГ в С.-Петербурге, ф. 379, оп. 3, д. 771, л. 10.
15. Там же, ф. 733, оп. 62, д. 1, л. 242 об.

РУССКИЕ ЛЕТОПИСИ И РАЗРЯДЫ, А ТАКЖЕ СОЧИНЕНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ О ВЗЯТИИ ПОЛОЦКА В 1563 ГОДУ.

Д. М. Володихин,
МГУ.

Взятие Полоцка в 1563 году было одной из величайших военных побед Московского государства в 16 столетии — наравне с битвой на Молодях и героической обороной Пскова. Но недальновидная политика Ивана IV, предпринявшего массовую депортацию местного Населения, казни полоцких евреев, отказавшихся креститься, и подавление реформационного лютеранского движения в Полоцке — привели к тому, что благоприятный момент для безболезненного соединения двух культур, двух цивилизаций — Старомосковской и Белорусской — был утерян, и в результате город был вновь занят польскими войсками Стефана Батория. В конце 16 века польско-литовским правительством были предприняты серьезные попытки окатоличивания населения белорусских городов, разрушительно подействовавшие на местную самобытную культуру.

Изучение исторического факта взятия Полоцка войсками Ивана IV может быть предпринято только на основе синтеза информации огромного количества разнородных источников: русских летописей и разрядов, польских и ливонских хроник, эпистолярных источников, актового материала, данных археологии и эпиграфики. Первый опыт подобного подхода к исследованию дал возможность уточнить ряд моментов, относящихся к истории зимней войны 1562—1563 гг.

Основным источником по взятию Полоцка надо считать известие, содержащееся в Лебедевской летописи. Есть основания утверждать, что автором летописной «памяти», легшей в основу этого известия, был М. А. Безнин, крупный публицист и летописец второй половины 16 столетия, видный военный, политический и церковный деятель, думный дворянин. Соединение известий Лебедевской летописи и Пискаревского летописца позволяют установить факт широкомасштабной идеологической кампа-

нии, предшествовавшей походу и возглавленной митрополитом Макарием.

Данные Лебедевской летописи, разряда Сапунова, Псковского летописного свода 1567 г. и «Нового донесения о русском проекте», изданного на языке оригинала Г. В. Форстеном, дают возможность оценивать численность московских войск в 200-300 тысяч человек, причем только около 50000 составляли дети боярские, дворяне, стрельцы, казаки, служилые татары и сборные люди, т. е. боевые силы. Всю остальную часть армии, в несколько раз превосходившую боевые войска, составила конная и пешая вспомогательная посешная рать.

Сведения Лебедевской летописи, иностранных сочинений, в т. ч. Кобенцеля, Левенклавия, Аугсбургской брошюры о взятии Полоцка, отпечатанной М. Франком, Хроники М. Стрыйковского и мемуаров Л. Гурницкого позволяют уточнить некоторые подробности боевых действий под стенами города. Полоцк был взят 15 февраля 1563 года после двух неудачных штурмов 5 и 9 февраля. Основными факторами, обеспечившими победу войск Ивана IV, были громадный перевес в артиллерии и ошибка полоцкого воеводы С. Довойны, позволившего во время ведения переговоров строить вокруг города укрепления, в результате чего по окончании перемирия русские пушки оказались под самыми стенами.

Наконец, сообщения трактата А. Гваньини «Описание Европейской Сарматии» и показания Дж. Тедадьди дают все основания утверждать: массовых казней, санкционированных царем, после взятия города не было. Были убиты несколько евреев за отказ креститься. Но занятие города войсками, в т. ч. и отрядами служилых татар, а также увод многочисленного полона по зимним дорогам привели к большим жертвам среди местного населения, что отрицательно сказалось на его отношении к новым властям.

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛОЦКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ

**В. В. Григорьева,
ИИИ АНБ.**

Полоцкая учительская семинария была основана в 1872 г.¹. Это событие было предопределено всем ходом развития дела народного образования, которое с начала 60-х г. меняет свое направление: если до этого народное образование находилось преимущественно в руках духовенства, то теперь в качестве главного фактора выступает Министерство Народного Просвещения. Согласно «Положению о начальных народных училищах» (14 июня 1864 г. ведению министерства были подчинены не только им самим открытые школы и училища ведомства Государственных имуществ, но и «церковно-приходские школы духов-

ного ведомства, открываемые приходским духовенством в городах, посадах и селах, с пособием или без пособия от казны»².

К нач. 70-х годов в Виленском учебном округе (объединяющим 6 губерний Северо-Западного края) уже насчитывалось до 1900 народных училищ. Единственная в округе Молодечненская учительская семинария была, естественно, не в состоянии обеспечить потребности в народных учителях. Поэтому и решено было открыть Полоцкую учительскую семинарию, которая должна была готовить учителей для Витебской и Могилевской губерний.

Решение о создании Полоцкой учительской семинарии было утверждено Александром II 18 января 1872 г. Фактически же ее открытие состоялось 24 сентября 1872 г. К этому времени уже был сформирован преподавательский состав и сделан первый прием воспитанников в количестве 52 чел. На открытие прибыли министр народного просвещения граф Д. А. Толстой, попечитель Виленского учебного округа Н. А. Сергиевский, епископ Полоцкий и Витебский Савва, витебский губернатор П. Я. Ростовцев. Они и скрепили своими подписями акт об открытии семинарии.

Семинарии было предоставлено здание по Верхне-Покровской улице (в котором до этого помещалось Полоцкое уездное двухклассное училище, упраздненное в том же 1872 г.). Помещение было тесным, тем более, что по положению об учительских семинариях все служащие должны были иметь квартиры в здании семинарии, а для воспитанников — устраивалось общежитие.

При открытии семинарии крестьянские общества Витебской и Могилевской губерний заявили о желании иметь в них своих стипендиатов. Крестьянские общества Витебской губернии учредили 10 стипендий, Могилевской — 30 (по 100 руб. каждая)³, учредило также 5 стипендий для обучения «благонадежных кандидатов» и Полоцкое церковное братство. Состав братских стипендиатов определял педагогический совет учительской семинарии, в 1876 г., например, ими стали трое из крестьянских семей, 1 — сын дьячка, 1 — мещанин⁴. Правда, с 1885 г. назначение братских стипендий было прекращено. Ибо в связи с тем, что вновь быстро начали развиваться школы духовного ведомства (имеются ввиду церковно-приходские и школы грамоты), все средства, ранее предназначенные для учительской семинарии, стали вкладываться в эти школы.

Большинство воспитанников семинарии были уроженцами Витебской и Могилевской губернии (90%). Туда же они и возвращались в качестве учителей народных училищ. По статистическим данным за первые 30 лет работы семинарии здесь было подготовлено 520 учителей, 50,3% из которых направлены в Могилевскую губернию, 49,7% — в Витебскую⁵.

Говоря о выпускниках семинарии нельзя не остановиться на следующем: более половины воспитанников вынуждены были прерывать учебу, не закончив ее. Главной причиной этого являлось отсутствие средств у родителей на содержание своего ребенка. И это понятно. Ведь среди

воспитанников две трети составляли крестьянские дети. Тем же, кому удавалось закончить семинарию, был уготован тяжелый, плохооплачиваемый труд. В 1891 г. жалование учителей народных училищ составляло (по Витебской дирекции народных училищ): в 156 (80%) училищах от 150 до 200 руб., в 39 (20%) от 200 до 300 руб.⁶

-
- 1 Полоцкая учительская семинария за 30 лет ее существования. Вт., 1902, с. 1.
 - 2 Краткий историко-статистический очерк развития церковной школы Полоцкой епархии за 1884—1909 годы. Вт., 1910, с. 5.
 - 3 Полоцкая учительская семинария за 30 лет ее существования, с. 7.
 - 4 Полоцкие епархиальные ведомости. 1876, с. 51, 547.
 - 5 Полоцкая учительская семинария за 30 лет ее существования, с. 23.
 - 6 Кукушкин И. П. Последнее десятилетие в истории Витебской дирекции народных училищ. 1891 — 1901. Вт., 1904, с. 45.

АКТУАЛЬНЫЯ ПАТРЭБНАСЦІ БЕЛАРУСКАЙ ГІСТАРЫЧНАЙ НАВУКІ І АДУКАЦЫІ

В. П. Грыцкевіч,
СПБДІК.

Гістарычная навука Беларусі знаходзіцца ў крызісным становішчы. Ужо на працягу дзесяцігоддзяў звужаны фронт яе даследаванняў. Кадры гісторыкаў літаральна засмечаны людзьмі, якія не маюць дачынення да навукі. Узровень навуковых публікацый не адпавядае сучасным патрабаванням метадыкі гістарычнай навукі. Няма акрэсленай перспектывы даследаванняў, якія б адпавядалі патрабаванням навукоўцаў і чытачоў. Распрацоўка важных праблем тармазіцца забаронамі допуску да крыніц. Манопалізм пэўных колаў на кіраванне навукай і выкладанне гісторыі ў ВНУ і школах і адсутнасць дыскусій у навуцы прывялі да заняпаду аўтарытэту гістарычнай навукі.

Выход з крызісу можа быць знойдзены толькі ў стварэнні поўнацэннай сфармаванай гістарычнай навукі, у склад якой павінны ўваходзіць: тэорыя і метадыка гістарычнага крыніцазнаўства, пабудаваныя на мясцовым матэрыяле; публікацыі важнейшых гістарычных крыніц; гісторыяграфічны агляд напрамкаў вывучэння гісторыі Беларусі; падручнікі па дапаможных гістарычных дысцыплінах на мясцовым матэрыяле — па археаграфіі, генеалогіі, геральдыцы, дыпламатыцы, гістарычнай геаграфіі, метралогіі, нумізматыцы, анамастыцы, палеаграфіі, тэксталогіі, храналогіі, манаграфіі аб асобных перыядах і важных падзеях гісторыі Беларусі; па палітычнай, вайскавай, царкоўнай, дыпламатычнай, эканамічнай гісторыі края, па гісторыі культуры, навукі, іх асобных галін, па гісторыі шляхты, духавенства, гараджан; бібліяграфічныя, геаграфічныя слоўнікі, бібліяграфічныя выданні; нарысы па гісторыі нацыяналь-

ных мяншынь на тэрыторыі Беларусі, выданні па агульнай гісторыі, а таксама па гісторыі асобных тэрыторый і этнасаў, суседніх з Беларуссю, але з беларускага пункту гледжання; нарысы па гісторыі тэрыторый і этнасаў з падобнай да развіцця Беларусі гісторыяй (Шатландыя, Трансільванія, Македонія, Каталонія і г. д.).

Надта патрэбны дыскусіі, у ходзе якіх могуць быць створаны нарысы асвятлення на альтэрнатыўных пачатках тых тэм, якім пакуль што нададзена адзіная афіцыйная інтэрпрэтацыя; аб этнагенезе беларусаў; аб ролі Полацкага княства і Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага ў этнагенезе беларусаў і іхняй дзяржаўнасці; аб удзеле Беларусі ў агульнаеўрапейскім гуманістычным і рэфармацыйным руху; аб узаемаперасяленнях беларусаў, на рускія і рускіх на беларускія землі; аб працэсах паланізацыі і русіфікацыі беларусаў у XVII—XX стст.; аб удзеле розных груп насельніцтва ў вайне 1812 года; аб ролі філаматаў і падпольных патрыятычных таварыстваў у вызваленчым руху першай паловы XIX ст.; аб ролі беларускага нацыянальнага руху ў жніцця края ў XX ст.; аб аднаўленні дзяржаўнасці Беларусі ў 1918—1920 гг.; аб прычынах перакройвання межаў Беларусі ў XX ст.; аб жыцці Заходняй Беларусі ў 1918—1939 гг.; аб характары беларускага супраціву польскай уладзе і гітлераўцам; аб беларускай эміграцыі і дыяспары і г. д.

Патрэбная абавязковая верыфікацыя кампетэнтнымі камісіямі адпаведнасці тэм дысертацый і даследаванняў гісторыкаў узроўню навукі, а не прапагандзе ідэй адзінай партыі, а таксама адпаведная служба ўладкавання на іншай працы прафесіянальна не прыгодных для навукі асоб.

Патрэбны стварэнне тлумачальна-катэгарыйнага апарату, які б адэкватна адлюстроўваў аб'ектыўныя гістарычныя працэсы і з'явы; адмаўленне ад аксіяматычных палажэнняў; якія пераўтварыліся ў славесныя фетышы («класавая барацьба», «воля народа» ці «працоўных», і г. д.), адмаўленне ад парадыгмаў мінулага, ад палітызацыі і ідэалізаваных гістарычнай навукі; альтэрнатыўны разгляд гістарычных з'яў, ліквідацыя манапалізма ў навучы; неабходнасць інвентарызацыі, гэта значыць крытычнага агляду літаратуры для адмаўлення ад дагматычных схем, стэрэатыпаў і для ўжывання ўсяго карыснага, што паназапашана ў вывучэнні пэўных праблем; выяўленне генэзіса памылковых у навуковых адносінах палажэнняў, і ўмоў, у якіх яны нарадзіліся; максімальнае выкарыстанне станоўчага вопыту сусветнай і ў тым ліку расійскай і польскай гісторыяграфіі, але з улікам беларускага пункту гледжання на гісторыю; адмаўленне ад рэдукцыйнага погляду на гісторыю, гэта значыць ад звязвання складанага да прасцейшага і дасягальнага да масавай свядомасці.

Для падрыхтоўкі гістарычных кадраў трэба ўвесці навучанне прыёмам крыніцазнаўчай методыкі, асновам гісторыяграфічнага аналізу, творчай накіраванасці, незалежнасці суджэнняў, самастойнасці мыслення, уменню карэктнай і абгрунтаванай палемікі з апанентамі.

Патрэбна перапарафіліраванне кафедр гісторыі СССР і кафедр агульнай гісторыі ў кафедры гісторыі сярэдніх вякоў, новай і навейшай гісторыі з тым, каб галоўны ўпор на іх быў зроблены на гісторыю Беларусі, а не на гісторыю іншых краін. Патрэбна падрыхтоўка не гісторыкаў увогуле, а педагогаў, архівістаў, музеязнаўцаў, экскурсаводаў, спецыялістаў па ахове помнікаў гісторыі.

Захаваўшы курс гісторыі старажытнага свету, прапаную ў курсах сусветнай гісторыі — гісторыю сярэднявечча, новую гісторыю і навейшую гісторыю падзяліць на асобныя: гісторыю большых этнасаў Еўропы і Паўночнай Амерыкі (апошняя — з новага перыяду) і гісторыю меншых этнасаў Еўропы і Амерыкі. Практычна зараз вывучаюць толькі першую гісторыю большых этнасаў, а гісторыю меншых этнасаў вывучаюць часткова, калі ўвогуле вывучаюць.

Гаворка пойдзе пра этнасы, што падвяргаліся агрэсіі і асіміляцыі з боку большых этнасаў.

Тут прысутнічае ўнутраная прыкмета, па якой можна групаваць профілізуючыя курсы гісторыі гэтых этнасаў, філасофскі асэнсоўваючы іхнія гістарычныя лёсы і праводзячы параўнальны аналіз развіцця культур, форм нацыянальнага рўху.

Многу распрацаваны варыянты тэматычнага плана гэтага курса для ВНУ і сярэдніх школ нацыянальных рэспублік. Ёсць сэнс разглядаць гісторыю меншых этнасаў з асаблівасцямі іх развіцця ў наступных рэгіёнах:

- I. Атлантычным рэгіёне (меншыя этнасы Вялікабрытаніі, Францыі, Пірэнейскай паўвыспы, Галандыі, Бельгіі).
- II. Альпійска-Карпацкім рэгіёне (меншыя этнасы Аўстрыі, Італіі, Швейцарыі, Чэхаславаччыны, Венгрыі).
- III. Скандынаўскім рэгіёне.
- IV. Усходне-Балтыўскім рэгіёне (этнасы Фінляндыі, Эстоніі, Латвіі).
- V. Усходне-Еўрапейскім рэгіёне (этнасы Летувы, Польшчы, Украіны, Малдовы, а для небеларускіх краін — і Беларусі).
- VI. Балканскія рэгіёны (уключаючы этнасы Румыніі).

Галоўная ідэя навучальнага курса, які прапануецца мною — параўнальнае вывучэнне менавіта меншых этнасаў. Падручнікамі пры падрыхтоўцы новага курса маглі б быць, у першую чаргу, даследванні гісторыкаў тых этнасаў, чыя гісторыя будзе вывучацца, а таксама працы з тых краін, улады якіх не былі непасрэдна зацікаўленымі ў агрэсіі і асіміляцыі дадзеных меншых этнасаў.

Пры выкладанні гэтага курса лягчэй за ўсё арыентавацца на калектывы кафедр сусветнай гісторыі ВНУ.

Толькі такім чынам можна стварыць сапраўдную поўнацэнную гістарычную навуку Беларусі.

К ВОПРОСУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ ПОКРОВСКОЙ ЦЕРКВИ В г. ПОЛОЦКЕ

Л. Ф. Данько,
ПИКЗ.

Полоцкая Покровская церковь, ныне не существующая, располагалась на скрещении проспекта К. Маркса (или вернее, его части — бывшей Верхне-Покровской улицы) и улицы Юбилейной, как раз в том месте где сейчас пустырь у здания политехникума и кооперативного училища рядом с городским парком.

Церковь эта была построена в 1781 году, точнее перестроена из старой церкви Полоцкого Богоявленского монастыря с переносом здания в указанный участок как кладбищенская однопрестольная церковь этого монастыря.

В 1804 году по Высочайшему повелению императора Александра I, побывавшего в Полоцке в июле 1802 года, церковь Покрова Пресвятыя Богородицы была Объявлена соборною.

После восстановления Полоцкой епархии и переосвящения иезуитского костела св. Стефана в соборную церковь во имя св. Николая Мирликийского Покровская церковь была обращена в приходскую в 1833 году.

Износ деревянной постройки церкви был так велик, что по причине ветхости она была переведена в разряд приписных и закрыта. Вместо неё была устроена новая церковь, также во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, в 1838 году, в бывшем костеле Францисканского монастыря, с передачей такового, вследствие Высочайшего повеления императора Николая I, в православное ведомство. Церковь эта в обиходе получила название Ново-Покровской и расположена была на улице Нижне-Покровской рядом со зданием Богоявленского монастыря. Однако в следующем году кирпичное здание бывшего костела францисканцев покрылось трещинами из-за осадки фундамента, церковь была закрыта и опечатана в 1860 году она была продана на слом частному лицу за 2000 рублей серебром вместе с принадлежащим ей двухэтажным каменным домом (бывшие кельи Францисканского монастыря).

В 1867 году был составлен проект на пристройку колокольни и перedelку деревянной Покровской церкви, стоявшей закрытой с 1838 г. Вероятно, именно в конце 60-х — начале 70-х годов XIX века деревянная церковь была отремонтирована и заново открылась.

1900-й год стал трагическим для многих полочан — прихожан Покровской церкви. Участок деревянной застройки города, где она располагалась, загорелся в 11 часу в воскресный день 21 мая при сильном ветре. Пожар длился около 3-х часов, им был уничтожен храм Покрова

и более 100 домов, однако имущество церковное — иконы, книги и архив были спасены прихожанами и перенесены в Софийский собор.

В 1903 году, когда были собраны средства на восстановление был принят указ Полоцкой православной духовной консистории от 1-го декабря за № 11.820 о строительстве новой церкви.

Новая Покровская церковь была заложена в 1905 году, 21 мая, ровно через пять лет после пожара.

Строительство этой церкви продолжалось более 5 лет, так как в «Путеводителе по городу Полоцку», выпущенному в 1910 году Полоцкой типографией Х. В. Клячко к торжеству перенесения мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой из Киева в Полоцк, учтена Покровская церковь, как «строящаяся на пожертвования на месте сгоревшей 21 мая 1900 года».

К началу первой мировой войны (1914 г.) храм был, вероятно, полностью выстроен, настоятелем его был священник Иоанн Павлович Емельянович, 1860 года рождения, кончивший Витебскую Духовную семинарию.

О судьбе церкви в годы советской власти скажем очень кратко. Она была закрыта в начале 30-х годов, как и все храмы в городе, и с тех пор не открывалась. Служители храма были подвергнуты репрессиям. После освобождения Полоцка от немцев в 1944 году в храме после его переделки была открыта кондитерская (или конфетная) фабрика, а в начале 60-х годов XX века он был окончательно уничтожен.

Только в 1991 году был поднят вопрос о его возрождении.

МАТЭРЫЯЛЬНАЕ СТАНОВІШЧА СЛУЖАЧЫХ ПОЛАЦКАГА КАДЭЦКАГА КОРПУСА ў XIX ст.

Э. С. Дубянецкі,
БДУ.

Матэрыяльна-бытавое становішча розных прафесіянальных катэгорый інтэлігенцыі Беларусі ў XIX ст. адносіцца да ліку нераспрацаваных праблем мінулага нашай Бацькаўшчыны. Некаторыя аспекты гэтай складанай і шматграннай праблеме разгледзім на прыкладзе ўмоў працы і жыцця служачых такой своеасаблівай сярэдняй навучальнай установы Беларусі, як Полацкі кадэцкі корпус.

Як вядома, дадзеная ваенная навучальная ўстанова была створана ў 1835 г. у павятовым горадзе Віцебскай губерні — Полацку.

Адразу адзначым, што ў другой палове XIX ст. грашовое забеспячэнне выкладчыкаў і лекараў адзінага кадэцкага корпуса на тэрыторыі Беларусі было значна большым, чым у іншых сярэдніх навучальных

установах. Напрыклад, у сярэдзіне 60-х гг. XIX ст. дырэктар Полацкага кадэцкага корпуса меў агульнае ўтрыманне ў суме 4.715 рублёў у год. Выкладчыкі маглі атрымліваць, у залежнасці ад прадмета выкладання, чына, службовай нагрузкі, да 2.000 руб. У той час утрыманне малодшага лекара корпуса складала каля 750 руб., а старшага — прыкладна 1.400 руб. штогод. Законанастаўнік праваслаўнага веравызнання зарабляў 682 руб. у год (Гл.: Памятная книжка Витебской губернии на 1864 год. — СПб., 1864. — С. 337—339).

Для параўнання скажам, што аклады ўтрымання выкладчыкаў Віцебскай гімназіі ў першай палове 60-х гг. XIX ст. выражаліся лічбамі ў 400—650 руб., а дырэктара — 850 руб. у год (Гл.: Сборник справочных сведений по Министерству народного просвещения за 1862 и частью за 1863 и 1864 годы. — СПб., 1864). У павятовых вучылішчах Віцебскай губерні, у тым ліку і ў Полацку, штатныя настаўнікі мелі аклады 300—400 руб., а наглядчыку вучылішча плацілі за працу ў сярэднім 550 руб. штогодна.

Прыкладна ў той жа час (1862 г.) утрыманне акружных урачоў у Віцебскай губерні складала 250—300 руб., а губернскага урача — 400 руб. у год. (ЦГИА БССР, ф. 2514, оп. 1, д. 967, л. 19). Выкладчык Полацкага кадэцкага корпуса іншы раз мог атрымліваць такую суму грошай, якая некалькі перавышала адпаведныя лічбы нават у віцэ-губернатара Віцебскай губерні ў сярэдзіне XIX ст. (2.000 руб. у год). (Гл.: Памятная книжка Витебской губернии на 1865 год. — СПб., 1865. — С. 7).

Пры аналізе матэрыяльнага становішча служачых кадэцкага корпуса ў Полацку неабходна мець на ўвазе тое, што ў склад агульнага штатнага ўтрымання ўваходзіла нярэдка не толькі зарплата, але і сталовыя грошы (на харчаванне), а іншы раз і кватэрныя грошы для найму памяшкання для жыцця, альбо выдавалася казённая кватэра («кватэра ў натуре»). Акрамя таго, выкладчыкі маглі праводзіць яшчэ і дадатковыя заняткі (уроки), што, зразумела, павялічвала і без таго іх немалыя даходы.

Каб лепш уявіць рэальны ўзровень заробтнай платы і магчымасці яе выкарыстання, трэба суаднесці памеры ўтрымання служачых кадэцкага корпуса з сярэднімі цэнамі таго часу на асноўныя харчовыя і прамысловыя тавары. Дык вось, у 1858 г. цэны на прадукты харчавання ў Віцебску былі наступныя: мука з жыта — 65 кап. за пуд (16,38 кг); ялавічына — 1,6—2 руб. за пуд; масла — 6 руб. за пуд; рыба — 5—6 кап. за фунт (0,41 кг.) («Витебские губернские ведомости». — 1858.— № 7. Отд. неофіц.). Цікава яшчэ дадаць, што ў 60-я гг. XIX ст. сярэдняя цана адной дзесяціны зямлі ў Віцебскай губерні складала 10 руб., а працаздольны конь каштаваў усяго каля 20—30 руб.

Такім чынам, можна зрабіць выснову аб тым, што матэрыяльнае становішча служачых Полацкага кадэцкага корпуса з'яўлялася ў цэлым стабільным і забяспечаным. Памеры іх утрымання былі даволі высокія і нярэдка значна перавышалі даходы выкладчыкаў не толькі павятовых вучылішчаў, але і гімназіі Беларусі ў XIX ст.

ЖЫВЁЛЫ, ПТУШКІ І ДРЭВЫ Ё ПАХАВАЛЬНЫМ АБРАДЗЕ ПОЛАЦКІХ КРЫВІЧОЎ

Л. У. ДУЧЫЦ,
ІГ АНБ.

Адным з элементаў пахавальнага абрада курганоў з'яўляецца наяўнасць фаўністычных комплексаў. Згодна павер'ям жывёлы павінны былі адганяць нячысты дух. У ранніх курганах (IX—X стст.), дзе пахаванні зроблены па абраду трупаспалення, сярод спаленых костак сустракаюцца косці свінні (Вусце Браслаўскага, Сукалі Верхнядзвінскага раёнаў), каня (Воўкавічы Талачынскага раёна), каня і быка (Баркі Полацкага раёна), зубы быка (Дарахі Гарадоцкага раёна) і інш.

У пахаваннях па абраду трупалажэння косці жывёл і птушак (звычайна неспаленыя) змяшчаліся каля ног нябожчыка, або на верхавіне кургана разам з рэшткамі гаршчкоў (сляды трызны). На Глыбоччыне ў некалькіх курганах знойдзены чарапы баранаў або авечак (тры выпадкі ў Чарневічах, 2 выпадкі ў Шо) і сабакі (Залезькі). Усе яны былі ў багатых пахаваннях. Такія ахвяры прыносіліся толькі ў рэдкіх выпадках. Так, у Шо чэрап барана ляжаў разам з сякерай каля ног хлопчыка 7—9 гадоў. На грудзях нябожчыка была падковападобная фібула, а пояс быў упрыгожаны металічнымі пласцінкамі і спражкай сэрцападобнай формы. На поясе вісеў нож, а на правай руцэ надзеты бранзалет. Хутчэй за ўсё культы барана (казла) і сабакі маюць адносіны да скандынаўскіх вераванняў, дзе баран (казёл) лічыўся свяшчэннай жывёлай бога Тора, а сабака з'яўлялася праважатым на той свет. Ахвярапрыношванні галоў баранаў вядомы ў Гнездаве на Смаленшчыне, а ахвярапрыношванні галоў сабак частыя ў курганах Прыладажжа і Фінляндцы.

На грунтовым могільніку X—XI стст. каля в. Казлоўцы Міёрскага раёна ў яме з рытуальным вогнішчам знойдзены рэшткі каня.

Культы жывёл і птушак праявіліся і ва ўпрыгожваннях. Гэта падвескі-конікі, падвескі-качачкі, падвескі з клыкоў жывёл (дзіка, мядзведзя, зайца, ваўка, сабакі і інш.). Падвескі выконвалі ролю амулетаў і звычайна насіліся ў складзе ажарэлкаў. У Наўрах Мядзельскага раёна знойдзена сярэбраная бляшка з выявай галавы барана.

Культы дрэў у пахавальным абрадзе прасочваюцца ў пакладанні ў магілы жалудоў або арэхаў. Напрыклад, жолуд знойдзены злева каля чэрапа хлопчыка ў дваіным пахаванні (хлопчыка і дзяўчынкі) ў в. Селішча Ушачскага раёна. Жолуд злева ад чэрапа дзяўчыны быў таксама ў дваіным пахаванні (дзяўчына і дарослы мужчына) каля в. Ворань Лепельскага раёна. Каля в. Навінкі Талачынскага раёна ў багатым пахаванні дзяўчыны знойдзены лясны арэх, які змяшчаўся ў скуранай сумачцы на поясе. Разам з арэхам былі тры бронзавыя бразготкі, злучаныя эсападобнай падвескай, шыфернае праселка і бронзавы спіральны пярсцёнак.

КАМЯНІ-КРАЎЦЫ ЯК ПОМНІКІ ПАГАНСКАГА КУЛЬТУ

Э. М. Зайкоўскі,
ІГ АНБ.

Даволі распаўсюджанай катэгорыяй помнікаў, асабліва ў паўночнай частцы Беларусі з'яўляюцца так званыя камяні-краўцы. Гэта буйныя ледавіковыя валуны аморфнай формы, пра якія захаваліся паданні, што ў кожным такім камені жывуць змеі, які вельмі добра шыюць адзенне. Як правіла, абавязковай дэталью паданняў з'яўляецца згадка пра існаванне ў камені акна, праз якое змея атрымлівае тканіну і аддавае гатовыя вырабы. Камяні-краўцы вядомыя каля в. Гогалеўка Чашніцкага р-на, в. Вароніна Сенненскага р-на, в. Славені (Шклоўскі ці Талачынскі р-н), каля вытокаў р. Віліі ў Докшыцкім р-не і інш. Некаторыя з падобных валуноў называюць камянямі-шаўцамі (вв. Куранец Вілейскага, Камень і Дамінова Валожынскага р-наў).

Частка гэтых камянёў мела ў насельніцтва назву «Сцяпан» (в. Славені), «Сцяпанам» або «Сцепа-каменем» прынята называць валун каля вытоку р. Віліі (паміж вв. Краснікі і Жамойск Докшыцкага р-на). Назвы «Кравец» і «Сцяпан» меў Барысаў камень паблізу в. Высокі Гарадзец Талачынскага р-на. Але формула надпісу на Барысавых камянях блізкая да формулы на Рагвалодавым камені (в. Дзятлаўка Аршанскага р-на). У свой час вядомы даследчык міфалогіі А. М. Афанасьеў звяртаў увагу на падабенства зместу надпісу на апошнім і на амулетах-змеявіках. Значыць, як валуны-краўцы, так і Барысавы камяні звязаны з культам змеяў. Як вядома, у сваю чаргу змея лічыўся адным з увасабленняў бога Вялеса. Імя Сцяпана ў міфах В. У. Іванаў і У. М. Тапароў лічаць вынікам перайменавання Перуна. Але дзень святога Сцяпана адзначаюць 26 снежня. На гэты перыяд якраз прыходзіліся «воўчыя святы», а ваўкі былі звязаныя з культам Вялеса. Згадваючы Сцяпана ў валачобных песнях таксама, як будзе паказана ніжэй, хутчэй за ўсё сведчыць пра яго як сінонім Вялеса. У Харватыі святога Сцяпана лічаць апекуном коней, а богам жывёлагадоўлі быў Вялес. Этымалагічная назва р. Віліі, на якой стаіць камень Сцяпан, збліжаецца з імем Вялесэ.

Назва «кравец» таксама мае вытокі ў язычніцкай міфалогіі. У матыве пакарання Месяца ў міфалагічным сюжэце нябеснага выселя Месяц як бы прыцягвае паняцці раскrojвання, раздраблення, раскрашвання (у абрадавых замовах ёсць словы «на пакрой месяцу»). У некаторых валачобных песнях гаспадар Сцяпан называецца «ясным месяцам». Месяц звязваецца ў сістэме бінарных апазіцыяў з цемрай, холадам, вадой, вільгаццю, што таксама збліжае яго з характарыстыкамі Вялеса. Частае згадваючы ў паданнях пра камяні-краўцы вядома знаходзіць пэўную паралель у рускай быліне «Илья ездил с Добрынею», дзе ў вядомай высоўваецца Марына, баба Гарынінка як трансфармацыя Змея. У ва-

лачобных песнях неаднаразова згадваецца змяя на камені, а ў адной з такіх песень ёсць словы: «Наш дар невялік, дзвярамі не ходзіць // Дзвярамі не ходзіць, праз акно шые». Аднак у паданнях «праз акно шые» і падае праз яго адзенне якраз змей-кравец. Вобразы змяі на камені і змея-краўца ў валачобных песнях могуць служыць аргументам у карысць высновы, што Вялікдзень да прыняцця хрысціянства быў прысвечаны Вялесу.

Ад камянёў-краўцоў знешне нічым не адрозніваюцца і тыя валуны, пра якія паданні гавораць, што гэта ператвораныя ў камень валы і араты за грэх — працу на Вялікадзень (в. Гурыны Мазырскага р-на, в. Лазовічы Нясвіжскага р-на і інш.). Пра «скамянелых валоў» каля в. Гурыны расказвалі, што раней яны мелі «ногі». Паданне гаворыць пра Рагвалодаў камень, што ён «стаяў на чатырох нагах, меў галаву і быў падобны на жывёлу». Блізкасць паміж «скамянелымі валамі» і камянямі-краўцамі (шаўцамі) прасочваецца ў паданні пра шаўца Гомсіна, які быў ператвораны ў валун за працу на Вялікдзень менавіта пасля таго, як лінуў дождж і ў той жа момант грывнуў гром у самую хату Гомсіна (у наяўнасці тут проціпастаўленне гэтага персанажа Громавержцу). У адной з валачобных песняў ёсць словы «Ой, шлі-беглі валхоўнічкі,... ой, шлі-беглі валоўнічкі». «Валоўнічкі» сугучныя з валамі. Магчыма, што тэрмін «валхоўнічкі» звязаны з назвай паганскіх валхоў і імем Вялеса, якія паходзяць ад валасатасці — «валахатасці» старажытных правадыроў і жрацоў.

Пра Змяёў камень паміж вв. Гогалеўка і Віркі існавала паданне, што ў ім жыў змей, які быў умелым краўцом. Калі хто прасіў пашыць адзенне, каб хадзіць у царкву, то змей шыў усё шыварат-навыварат. Ён быў забіты перуном. У фальклорным сюжэце пра камень-шавец каля в. Камень Валожынскага р-на паведамляецца, што пашытыя боты пажадана было абуваць на ігрышчы, але толькі не ў царкву, бо там яны адразу распадаліся на дробныя кавалкі. Гэтыя дадзеныя яшчэ раз сведчаць пра сувязь змея-краўца (шаўца) з нячыстай сілай, як праціўніка Бога, а глыбей — праціўніка Перуна.

Як правіла, камяні-краўцы размешчаны ў нізкіх месцах, а то і ў балоце (напрыклад, Сцёп-камень). Шурфоўка каля некаторых з іх паказала адсутнасць культурнага пласту.

Захаванасць паданняў пра камяні-краўцы дазваляе меркаваць пра вялікае значэнне культу Вялеса ў дахрысціянскі час і ў перыяд двухвер'я. На самых шанаваных з гэтых валуноў з мэтай адаптацыі іх да хрысціянскага культу полацкімі князямі Барысам і Рагваладам у XII ст. былі выбіты выявы крыжоў і формулы звароту да хрысціянскага Бога.

ПОЛОКИЕ СОБЫТИЯ «САГИ ОБ ЭЙМУНДЕ»

Ю. А. Заяц,
ИИ АНБ.

Сведения русских летописей о периоде княжения в Полоцке Брячислава Изяславича крайне скупы: 1003 г. — вероятное, время вокняжения, 1021 г.—набег Брячислава на Новгород и заключение мира и пожизненного союза с Ярославом, 1044 г. — смерть Брячислава. Эти известия историки дополняют материалами из «Саги об Эймунде», которые не имеют видимых параллелей с летописными сообщениями.

Согласно саге, норманский конунг Эймунд поступает на службу к новгородскому князю Ярославу и помогает ему добыть и удержать Киевский стол. Затем Эймунд переходит к полоцкому князю, оказывая ему помощь в борьбе с Ярославом. После заключения мира Ярослав княжит в Новгороде, Брячислав получает Киев, а Эймунд — Полоцк. Киев после смерти Брячислава достается Ярославу, а Полоцк Эймунд, умирая, передает с согласия Ярослава своему побратиму Рагнару.

Для определения времени полоцких событий саги историки используют два опорных известия: Эймунд прибывает в Полоцк спустя год после убийства Борислава или Бурислейфа и за три года до смерти Брячислава (по летописям 1020 и 1041 годы). Вторая дата отвергается, как недостоверная. Но в тексте саги есть еще один хронологический индикатор: Эймунд, поступая на службу к Брячиславу, предупреждает о желании Ярослава уменьшить, владения полоцкого князя, «как брат его сделал с ним», (т. е. с Ярославом). Несомненно, что речь, идет о событиях 1024 г., когда тмутораканский князь Мстислав разбил при Листвине Ярослава и распространил свою власть на левобережье Днепра.

В листвинской битве наемную варяжскую дружину, Ярослава возглавлял Якун. Вместе с Ярославом он бежал с поля боя, бросив свой златотканый плащ. «Сага об Эймунде» умалчивает о лиственской битве, как и о других поражениях Ярослава и варягов. Но как и в летописях, в саге фигурирует плащ, брошенный Эймундом в минуту опасности, когда его при отходе норманнов в Полоцк пыталась хитростью захватить или убить жена Ярослава Ингигерд. Сопоставления этого эпизода саги и летописной статьи 1024 г. дает основание утверждать, что речь в них идет об одном лице, и варяжский князь Якун летописей это конунг Эймунд саги. Эпизод с плащом в саге возник не случайно. Вероятно, он был хорошо известен и, умолчав о позорном бегстве Якуна-Эймунда с поля боя, сага должна была дать иную версию пртери плаща.

По летописям Якун бежал за море. Путь его мог лежать через Полоцк. Но появиться в Полоцке Якун мог без дружины или с жалкими остатками ее и, следовательно, не мог играть ту значительную роль, какую отвела ему сага.

Ярослав после Листвина, желая обезопасить Киев от Мстислава вероятно, уговорил своего племянника и союзника Брячислава временно занять киевский стол. Княжение Брячислава в Киеве подтверждается наличием там его резиденции — Брячиславля двора, упоминаемого в летописной статье 1068 г. Трехлетний срок княжения Брячислава в Киеве по саге согласуется с известиями летописей о пребывании Ярослава в Новгороде с 1024 по 1026 г. Лишь заключив мир с Мстиславом Ярослав вновь вокняжился в Киеве.

Таким образом полоцкие события «Саги об Эймунде» относятся к 1024 г., конфликт между Ярославом и Брячиславом полностью вымышлен. Однако надо полагать, что упоминание о территориальных уступках в саге не случайно. Если в 1021 г., разбив Брячислава, Ярослав заключая с ним союз, передал Полоцку Витебск и Усвяты, то в 1024 г., сам разбитый Мстиславом и потому еще больше нуждающийся в союзе с Брячиславом, он должен был пойти на новые уступки. Можно предполагать, что именно тогда к Полоцкой земле отошла Менская волость.

АНГОБНЫ РОСПІС НА БЫТАВОЙ КЕРАМІЦЫ ПОЛАЦКА XVII—XIX стст.

Н. І. Здановіч,
БРПІ.

Ангоб белага колеру ўжываўся пад час вытворчасці керамічных вырабаў у Полацку ў двух якасцях: як грунтоўка пад паліву і як рэчыва чыва для роспісу бытавой керамікі.

Ужыванне ангоба ў першай якасці зафіксавана на адным з тыпаў кафлі з квадратнай пласцінаю з чатырохчаснаю сіметрыяй др. пал. XVI ст.

Некаторыя тыпы паліваных талерак і кубкаў XVII ст. пакрываліся белым ангобам, што служыў фонам для роспісу каляровымі палівамі.

У другой палове XVIII—XIX стст. полацкія талерачкі і міскі з вертыкальным борцікам, пакрытыя плямістаю паліваю, таксама палярэдне ангабіраваліся.

Больш шырока ангоб ужываўся ў якасці рэчыва для роспісу сталовага і тарнага посуду. У к. XVI — перш. пал. XVII стст. посуд з падпаліўным ангобным роспісам увайшоў у шырокі ўжытак гараджан. Пра гэта сведчаць раскопкі на пляцоўцы каля дзіцячай мастацкай школы (роспісны посуд складаў прыкладна 30% ад агульнай колькасці паліванага посуду гэтага часу).

Самы распраўсуджаны від роспіснага посуду — талеркі. Згодна месца лакалізацыі арнаменту яны падзяляюцца на 3 групы:

- 1) роспіс нанесены па борціку, а вобласць донца акрэслена канцэнтрычнымі кругамі;

- 2) малюнак наносіўся і ўнутры канцэнтрычных кругоў;
- 3) суцэльна распісаныя талеркі, без падзелу на асобныя зоны.

Найбольш распаўсюджаныя матывы роспісу — геаметрычны (паралельныя стужкі, хвалі, авалы, трохкутнікі) і раслінны (трохлістнік, чатырох-шасціпялёсткая кветка, нахілёная галіна, стылізаванае сонейка) арнаменты.

Талеркі з падпаліўным-ангобным роспісам выкарыстоўваліся ў якасці дэкаратыўных, пра што сведчаць 2 адтуліны для падвешвання ў венцы адной з іх.

Збаны і кубачкі распісваліся па шыйцы і тулаву. Матывы роспісу аналагічныя, але размяшчаюцца асобныя элементы вертыкальна.

Посуд з падпаліўным ангобным роспісам знойдзены пад час раскопак у Мсціславе, Магілёве, Віцебску, Друі. Найбольш блізкія аналогія назіраюцца сярод матэрыялаў з Магілёва. Распісны посуд у нязначнай колькасці знойдзены пад час раскопак у Лідскім, Мірскім і Гродзенскім замках.

Міскі і талеркі з ангобным роспісам ўжываліся ў Полацку і ў 18-19 ст.

Яшчэ адзін від керамічных вырабаў, распісаных ангобам — дзіцячыя, цацкі — свістулькі. У адрозненне ад посуду, цацкі, пасля ангабіравання не паліваліся. Знойдзены яны ў сляях XVII—XVIII стст.

Такім чынам, у к. XVI—XIX стст. полацкія ганчары шырока ўжывалі белы ангоб у якасці грунтоўкі пад паліву і рэчыва для роспісу посуду і дзіцячых цацак. Распісныя талеркі з'яўляюцца першым дэкаратыўным посудам, які потым змяніўся фаянсам і парцэлянай.

ИЗ ИСТОРИИ РЕФОРМАЦИОННОЙ ЦЕРКВИ В ПОЛОЦКЕ (вторая пол. XVI — п.п. XVII вв.)

Л. С. Иванова,
ИИ АНБ.

Развитие реформационного движения в Великом княжестве Литовском привело к созданию во многих городах и местечках реформационных сборов (общин) под опекой местных магнатов и шляхты, принявших Реформацию. Полоцкий сбор являлся (как и Витебский) одним из немногих городских («мещанских») сборов. Точная дата основания Полоцкого сбора и имя его фундатора неизвестны, хотя можно предположить, что он возник в конце 50-х— начале 60-х гг. XVI в.

Польский хронист А. Венгерский¹, сообщая о бегстве в «Литву» (т. е. в ВКЛ) трех православных монахов из России Феодосия Косого, Артемия и Фомы, и появлений их в середине 50-х гг. в Витебске, отмечает

Фому, как наиболее красноречивого и сведущего в Св. Писании. Проповедническая деятельность в Витебске беглых монахов, призывавших выбрасывать из домов и храмов иконы и поклоняться единому богу посредством Иисуса Христа, вызвала бурное неприятие духовенства и значительной части горожан. Беглецы вынуждены были направиться в глубь Литвы. Вскоре Фома объявился в Полоцке, где он, по-видимому, был проповедником местного сбора. В Полоцке Фома женился, есть сведения «про Фомину жену Люторова, про полочанку»². После захвата в феврале 1563 г. русскими войсками Полоцка, Фому, как еретика, по указанию Ивана Грозного утопили в проруби. В письме прихожан полоцкого сбора Виленскому Синоду (1634 г.) сообщалось, что сбор вместе с городом был разрушен московским неприятелем и еще при жизни полоцкого каштеляна Юрия Зеновича (т. е., до 1583 г. — Л. И.) богослужение осуществлялось в дисненском замке³.

Однако, и после разрушения сбора реформационное движение продолжало пользоваться определенной поддержкой в Полоцке. После возвращения Великому княжеству Литовскому Полоцка в 1579 г., при содействии Стефана Батория в городе обосновались иезуиты — основные оппоненты протестантов. Идеолог контрреформации П. Скарга жаловался на трудности в миссионерской деятельности иезуитов в Полоцке, называл его «второй Индией»⁴. В 1589 г. в Полоцке побывал писатель, гуманист, представитель радикальной Реформации в ВКЛ Симон Будный. Вместе с Фабианом Доманевским он участвовал в публичном диспуте с иезуитами⁵.

В материалах XVII в., сохранившихся в архиве Евангелико-реформационного Синода в г. Вильнюсе⁶, встречаются редкие, но чрезвычайно ценные сведения по истории Полоцкого сбора: о материальном положении сбора, описание его строений, имена прихожан и протестантских проповедников (казнодеев). В описании сбора 1636 г. называются большие ворота, новый дом с двумя комнатами (одна из них — столовая) сенями, кладовой; хозяйственные строения. В комнатах были скамьи, поставленные по кругу, две белых печи, покрытых зеленой кафлей, и одна — черная, «до печения хлеба».

У Полоцкого сбора не было постоянного богатого патрона, он существовал за счет фондов местных «обывателей» (шляхты и горожан) и положение его было бедственным. В 1622 г. в письме Виленскому синоду сообщается, что казнодей Григорий Строновский из-за голода и мучений хочет оставить сбор, а прихожане не могут поддержать его материально. Как утверждал один из казнодеев сбора, «Полоцкий сбор опустел частично из-за неприятеля Москвитина, частично — из-за заброшенности панами патронами»⁷.

В 1653 г. сбор был отдан под специальную опеку гетману ВКЛ Янушу Радзівиллу. Во время войн середины XVII в. сбор был разрушен окончательно. По материалам визитации сборов 1669 г. видно, что реформационная община в Полоцке продолжала существовать, хотя зе-

мельный участок (пляц). сбора был присвоен полоцкими иезуитами, построившими там костел⁸.

-
- 1 Regenvolscius A. (A. Wegerski). Systema historiko-chronologicum, ecclesiarum Slavonicarum ... [Utrecht], 1652. P. 262-263.
 - 2 Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960. С. 42.
 - 3 RO BAN Litwy, F 40, ERS – 245.
 - 4 Tazbir J.P. Skarga. Szermierz kontrreformacji. Warszawa, 1978, s. 79.
 - 5 H. Merczyng. Szymon Budny jako krytyk tekstów biblijnych. Kraków, 1913, s. 109.
 - 6 RO BAN Litwy, F 40, ERS – 245
 - 7 H. Merczyng. Zbory I senatorowie protestanczy w dawnej Ryeczypospolitez. Warszawa, 1904, s. 95.
 - 8 St. Tworek. Materiały do dziejów kalwinizmu w Wielkim Księstwie Litewskim w XVII wieku // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. t. XIV, 1969, s. 210.

ВЕРХНІ ЗАМАК ВІЦЕБСКА ў XI—XVII ст.ст. (этапы станаўлення).

Л. У. Калядзінскі,
ІГ АНБ.

Гістарычнае ядро Віцебска — яго Верхні замак, культурны пласт якога мае выключную інфарматыўнасць для археалогіі усходнеславянскіх гарадоў. Комплекснае вывучэнне археалагічных і пісьмовых крыніц дае магчымасць вылучыць чатыры этапы ў станаўленні Верхняга замка Віцебска.

1. **Першы этап** уключае дагарадскі IX — пач. X ст. і раннегарадскі X — XI ст. перыяды. У першы перыяд на гарадзішчы ранняга жалезнага веку, што знаходзілася ў 150 м на усход ад вусця Віцьбы, размяшчалася ўмацаванае паселішча крывічоў. Яно, відаць, адыгрывала ролю рода-племяннога цэнтра у акружэнні некалькіх неўмацаваных паселішчаў. У канцы X — пач. XI ст. з усіх гэтых паселішчаў фармуецца абшчына гарадскога тыпу з цэнтрам на старажытным гарадзішчы (Замкавай гары). У 1021 г. Віцебск згадваецца ў летапісах. Яго дзядзінец, што размяшчаўся на Замкавай гары, меў плошчу 0,7 га і знаходзіўся ў акружэнні неўмацаванага гандлёва-рамееніцкага пасаду. Віцебск гэтага часу з'яўляўся, хутчэй за ўсё, ваенна-адміністрацыйным цэнтрам воласці. У палітычных адносінах ён быў на той час уладаннем полацкіх

князеў. Матэрыяльная культура яго на гэтым этапе яшчэ захоўвае крывікія прыкметы.

2. **Другі этап** — удзельны перыяд гісторыі Віцебска, XII—першая трэць XIV ст. На Замкавай гары ўзводзіцца царква св. Міхаіла, як патранальны храм на княскім дворышчы. З сярэдзіны 30-х гг. XII ст. дзядзінец пашыраецца ў заходнім накірунку, уключае пасад на мысе, які быў ля сутоцы Дзвіны і Віцьбы, і дасягае плошчы 4 га. Дзядзінец апазаванаўся магутным абарончым валам, які быў арміраваны драўлянай канструкцыяй выкананай у перакладной тэхніцы. Вал будаваўся з 1136 па 1140 г. у перыяд княжэння Васілька Святаслававіча. Планіроўка дзядзінца вызначалася вулічнымі маставымі. Забудова была сядзібнаю, што ўключала адно-два жытлы і тры-пяць гаспадарчых пабудов. Матэрыяльная культура мае агульнарускі характар. Гаспадарка носіць комплексны характар, спалучаючы рамяство, сельскую гаспадарку і промыслы. Дзядзінец Віцебска мае ўсе рысы дзядзінцаў, што былі ўласцівы большасці сярэдніх гарадоў Русі. Наўкола яго складаецца топаструктура характэрная для многіх усходнеславянскіх гарадоў удзельнага перыяду, дзе акрамя дзядзінца меліся вакольны горад, прэдгароддзе, сельская ваколіца і некрапаль.

3. **Трэці этап** — 30-е гг. XIV ст. канец XVI ст., прыпадае на перыяд Вялікага княства Літоўскага. Археалагічна аддзяляецца пластом пажарышча 1335 г. К сярэдзіне XIV ст. з напольнага боку Замкавай гары, абাপал дзядзінца і вакольнага горада ўзводзіцца мураваная ўмацаванні. Яны складаюць адзіную сістэму ўмацаванняў абароны Віцебска і з'яўляюцца ўнікальнымі сярод умацаванняў гарадоў Усходняй Еўропы. З гэтага часу віцебскі дзядзінец атрымлівае назву Верхні замак, вакольны горад — Ніжні замак, прэдгароддзе з XVI ст. завецца Вялікі пасад завіцебны, сельскія паселішчы наўкола горада — слабодамі. Матэрыяльная культура захоўвае ўсходнеславянскія традыцыі. Але ў ёй ужо прыкметны і заходнееўрапейскія навацыі. У гаспадарчай сферы насельніцтва Верхняга замка памяншаецца ўдзельная вага палявання. У статку Верхняга замка зніжаецца пагалоўе коней. Да канца гэтага перыяду забудова на Верхнім замку становіцца радзейшая. Мураваная ўмацаванні паступова тансфармуецца ў драўляныя. Апошняя звязана з частымі рамонтамі пасля шматлікіх аблогаў.

4. **Чацвёрты этап** — канец XVI—XVII ст. Віцебск уваходзіць у склад Рэчы Паспалітай, мае Магдэбургскае права. Адміністрацыйны цэнтр з Верхняга замку перамяшчаецца на Узгорскі замак, які ўзнік на месцы Вялікага пасаду завіцебнага, дзе на гэты час узводзіцца Ратуша з гандлёвым комплексам. У гаспадарчым жыцці насельніцтва Верхняга замка амаль не прасочваецца занятак рамяством, памяншаецца роля промыслаў. У жывёлагадоўлі ўзрастае развядзенне дробнай рагатай жывёлы. Матэрыяльная культура мае агульнабеларускі характар. Сярод прывазных рэчаў пераважаюць заходнееўрапейскія. Адбываецца перапланіроўка. Письмовыя крыніцы адзначаюць змены ў сацыяльнай стратыфікацыі насельніцтва Верхняга замка. Асноўнае яго прызначэнне ў гэты перыяд — гэта сховішча на выпадак аблогі горада.

У цэлым, пад'ём у станаўленні дзяцінца — Верхняга замка прыпадае на пачатак — першую трэць XII ст. і на пачатак — першую трэць XIV ст., што звязана з усталяваннем у Віцебску новай княскай улады. Перыяд упадку назіраецца ў XVI—XVII ст., што было вызвана частымі ваеннымі дзеяннямі.

Такім чынам, вынікі даследванняў даюць магчымасць прасачыць станаўленне Верхняга замка Віцебска ад невялікага ўмацавання паселішча крывічоў, да аднаго з магутных фарпостаў Вялікага княства Літоўскага і высветліць у дынаміць яго ролю і значэнне ў агульнагарадской структуры аднаго са старажытнейшых гарадоў Беларусі.

ПОЛАЦКІ ЧАСОВЫ МАНЕТНЫ ДВОР

В. С. Касмылёў,
БДУ.

Гісторыя сведчыць, што ўлады шмат якіх еўрапейскіх краін неаднаразова спрабавалі выкарыстаць чаканку непаўнацэннай меднай манеты дзеля таго, каб нейкім чынам залатаць прарэхі ў фінансах.

У пачатку 1796 г. на гэты шлях вымушана была пайсці расійская імператрыца Екацерына II. «Найвышэйшымі» указамі ад 26 красавіка і 8 мая вызначаліся неабходныя мерапрыемствы па перачаканцы меднай манеты 16-рублёвай стапы ў 32-рублёвую, зыходзячы з гэтага, існуючыя наміналы ў 5, 2, 1 капейкі, дзянга і палушка перарабляліся, адпаведна, у наступныя наміналы: 10, 4, 2, 1 капейкі і дзянга. Чаканіўся, таксама, 5-капеешны намінал па новай манетнай стапе. Для больш хуткага здзяйснення намечанага вырашылі, акрамя ўжо існуючых штатных манетных двароў, утварыць часовыя, у тым ліку і ў Полацку. Былі зацверджаны кіраўнікі манетных двароў, якія падпарадкоўваліся мясцовым губернатарам. У Полацк былі накіраваны неабходныя спецыялісты: «...слесари, кузнецы, установщики, кладчики и обыскальные», — лікам 20 чалавек. Адначасова, у Полацк было накіравана абсталяванне, прылады і матэрыялы для дзейнасці манетнага двара. Вядомы падрабязны рээстр, які ўтрымлівае больш за 60 пазіцый (на суму больш за 1600 руб.). Прыводжу з яго невялічкую вытрымку:

«Воротяг железных к печатным станам для 5 копеечников	4
Воротяга к стану мелочному	1
Воротяга к переводному стану	1
Ступок верхних с досками и прибором	4
Ступок нижних	4
Ключей	8
Ручек	4
Сковорода чугунная	1
Стан чугунный	1
Стан переводной	1
Печатных станов для 5 пятикопеечников	4
К ним груш чугунных	8

Наковален кузнечных и слесарных	3
Мехов кузнечных	3
Коромысло весовое с медными чашками	1
Цыркуль с пружинной	1
Стали для пунсонов	2 ф. и т. д.

Манетны двор атрымаў, таксама, штэмпелі, матачнікі і ўзорныя манеты. Гэта значыць, што вытворчасць Полацкага Манетнага двара заставалася б ананімнай і не мела адзнак аб чаканцы ў Полацку.

Пачатак дзейнасці планаваўся на кастрычнік 1796 г., разліковая прадукцыйнасць — 1 млн. руб. манетнай медзі ў год.

Смерць Екацерыны II (6 лістапада) перапыніла працу. Указам новага манарха — Паўла I ад 11 снежня 1796 г. перачаканка была скасавана; Полацкі манетны двор зачынены, а накіраваныя спецыялісты адазваны ў распараджэнне Манетнага Дэпартаменту.

Некалькі слоў аб далейшым лёсе абсталявання манетнага двара. Большасць рэчаў, відаць, заставалася ў Полацку, што безумоўна прыносіла лішнія клопаты мясцовым уладам. У верасні 1810 г. віцебскі грамадскі губернатар Сумарокаў звярнуўся да генерал-ад'ютанта, члена Дзяржаўнага Савета, міністра паліцыі А.Д.Балашова з запытаннем: што рабіць з абсталяваннем і рэчамі былога манетнага двара? А. Д. Балашоў пераадрасаваў гэта пытанне міністру фінансаў. Гібель архіваў полацкіх магістрата і думы ў 1812 г. не дазваляе бяспрэчна адказаць на пытанне. Дакументы больш позняга часу сведчаць аб тым, што продаж значнай колькасці маёмасці адбыўся ў 1811 г. У той жа час вядома, што яшчэ ў канцы 1818 г. у Полацку знаходзіліся асобныя рэчы, належачыя да ліквідаванага манетнага двара.

ДАСЛЕДАВАННЕ КАМЕННЫХ МАГІЛ КАЛЯ в. ВАЎЧА ДОКШЫЦКАГА І в. ПЕРАВОЗ ГЛЫБОКСКАГА Р-НАЎ

А. В. Квяткоўская,
ІГ АНБ.

У апошнія гады ў выніку разведаных прац выяўлены каменныя магілы ў шэрагу раёнаў Віцебскай вобл. У адрозненне ад асноўнага арэала іх распаўсюджання — Гродзеншчыны — каменныя магілы на Віцебшчыне заўсёды знаходзяцца па суседству з курганамі. Таму помнікі гэтыя змешанага тыпу, уключаюць 2 розныя тыпы пахаванняў — пад насыпамі з пяску і пад каменнымі кладкамі. Сярод мясцовых жыхароў каменныя магілы вядомы пад назвамі «галоднікі» ці «галодныя

магілы», Назва гэта характэрная толькі для каменных магіл Віцебшчыны; на Гродзеншчыне яна не вядома.

В. Ваўча. Могільнік знаходзіцца прыкладна ў 800 м на захад ад вёскі, у лесе, на ўзвышшы. Курганы размешчаны ў паўночна-ўсходняй частцы помніка. У праэнтных адносінах большая частка пахаванняў прыпадае на каменныя магілы. На магілах, якія размяшчаюцца побач з курганамі, адсутнічаюць вялікія камні ў галаве і нагах пахаванняў, але яны ёсць далей, у заходняй, больш позняй частцы могільніка. На многіх з іх ёсць выбітыя крыжы. Магілы размяшчаюцца няроўнымі радкамі, групамі па 2—3. Сярод мясцовых жыхароў могільнік вядомы пад рознымі назвамі: «камяніца», «турэцкія» ці «французскія магілы». У 1990 г. ускрыты 20 каменных магіл. Як паказалі даследаванні, засваенне могільніка праходзіла ў напрамку з паўночнага ўсходу на паўднёвы захад. Усе магілы абкладзены камямі, пакладзенымі шчыльна ў адзін слой. Памеры кладак вагаюцца ў межах ад 1,9x1,1x0,3 да 3,1x1,7x0,3 м. Форма кладак — прамавугольнік, зрэдку — авал. Пахавальны абрад выглядаў наступным чынам. У выкапаную чатырохвугольную з закругленымі вугламі яму глыбінёй ад 0,8 да 1,4 м лажылі нябожчыка, звычайна на спіне, у выцягнутым стане. Палажэнне рук — рознае: складзены на поясе, адна рука сагнута і ляжала на плячы, другая на поясе і г. д. Арыентаваны шкелеты галавой на захад ці на захад з невялікім адхіленнем на поўнач, часцей — на поўдзень. Даследаванні паказалі, што нябожчыкаў хавалі заўсёды ў трунах. У некаторых магілах, за межамі паракні сустрэты камні (10—12 см у дыяметры), пакладзеныя па перыметру магіл, як абрамленне. У запаўненні магільных ям прасочаны вуглі. Вельмі часта над чэрапам і нагамі нябожчыкаў ткісавалі невялікія вогнішчы, а ў адным выпадку вогнішча размяшчалася побач з магілай. У двух выпадках пад камянямі кладак выяўлены прыдонныя часткі: гаршкоў. Усе даследаваныя мужчынскія і дзіцячыя пахаванні — безінвентарныя, а ў жаночых знойдзены на чэрапах бляшкі ад галаўных убораў, зробленыя з медзі, а часцей — з серабра з пазалотай; бронзавыя пярсцёнкі.

В. Перавоз. Могільнік знаходзіцца прыкладна ў 1 км на захад ад вёскі, у лесе, на ўзвышшы. У 1991 г. даследаваны 11 пахаванняў па абраду трупапалажэння. Усе магілы былі абкладзены камянямі, пакладзенымі шчыльна, у адзін слой. Памеры кладак вагаюцца ў межах ад 2,5x1,1x0,3 да 3,5x2,5x0,35 м. Форма кладак розная: прамавугольнік ці авал. У галаве і нагах пахаванняў стаялі вялікія камні. Абрад пахавання той жа, што і ў магільніку каля в. Ваўча. Толькі трэба адзначыць змяненне колькасці вугалю ў запаўненні магіл і адсутнасць фрагментаў керамічнага посуду пад камянямі кладак. Асобна стаіць адно пахаванне, якое можна разглядаць як пераходны тып ад курганоў да магіл, яно зроблена з улікам двух абрадаў. Форма насыпу — круглая, вышынёй да 0,65 м, выканана з пяску. У аснове насыпу ў заходняй частцы ляжалі два камяні. Нябожчык ляжаў у падкуртанай яме глыбінёй да 0,8 м, галавой на захад. Пахаванне жаночае. На чэ-

рапе знойдзены бляшкі ад галаўнога ўбору, зробленыя з серабра з пазалотай.

Аналіз канструкцый каменных кладак, пахавальнага абраду і інвентару дазваляюць датаваць даследаваныя магілы к. XIII—XIV ст.-ст. і адносіць іх да старажытнасцей Прыбалтыйскага гісторыка-культурнага рэгіёна. Наяўнасць гэтага тыпу пахаванняў на значнай адлегласці ад асноўнага арэала распаўсюджання добра адлюстроўвае этнічныя працэсы, якія адбываліся на поўдні сучаснай Віцебскай вобласці ў сярэднявеччы.

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛКОВНИКА А. П. АРГАМАКОВА

А. Л. Киштымов,
ИИ АНБ.

1. Полоцкий кадетский корпус. Инспектор классов полковник Александр Павлович Аргамаков. Педагогические взгляды А. П. Аргамакова. Его работы «Мысли о современном и будущем воспитании и обучении» (Полоцк, 1896), «Метод «чистого опыта» Авенариуса в применении к исследованию вопроса об умственном утомлении учеников» (СПб., 1900), «Сознание, самоочевидные истины и мыслимые пространства по Канту и по воззрению современных философов и математиков» (Полоцк, 1895). Проект А. П. Аргамакова об учреждении полковых школ для детей офицерских и класных чинов как начале реформы кадетских корпусов.

2. Участие А. П. Аргамакова во всероссийских и международных универсальных и специализированных выставках. Первая всероссийская гигиеническая выставка (СПб., 1893 год). Организация А. П. Аргамаковым витрины Полоцкого кадетского корпуса на Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 года в Нижнем Новгороде. Его личное участие в этой выставке и присуждение ему диплома II разряда «за внимательное и заботливое отношение к детям, выразившееся в научном исследовании вопроса об умственном утомлении и за введение санитарно-гигиенических улучшений»¹. Экспонаты А. П. Аргамакова на парижской Всемирной выставке в 1900 году².

3. Изобретательская деятельность А. П. Аргамакова. Выпуск петербургским заводом Коллана биологических дезинфицирующих фильтров системы Аргамакова.

1. Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 г. в Нижнем Новгороде. Список экспонатов, удостоенных похвальных наград. СПб, 1897. С. 359.
2. Каталог Русского Отдела на Всемирной Парижской Выставке 1900 г. СПб., б. г. С. 407—408.

4. Взгляды А. П. Аргамакова на научно-технический прогресс. Содержание его лекций. «Открытия и: изобретения в роли социальных факторов» и «Национальное развитие и международные сношения в качестве факторов культурной среды». Вклад А. П. Аргамакова в развитие научно-технической мысли и его место в среде научно-технической интеллигенции Белоруссии конца. 19 — начала 20 вв.

ПОЗДНЕЗАРУБИНЕЦКИЕ ТРАДИЦИИ В КЕРАМИКЕ СЕВЕРО-ВОСТОКА БЕЛОРУССИИ В I ПОЛОВИНЕ

I тыс. н.э.

Ю. В. Колосовский,
ИИ АНБ.

Северо восток Белоруссии исследователи включают в восточнобалтский ареал днепро-двинской культур и культуры штрихованной керамики. Верхний хронологический рубеж существования памятников указанных культур определяется IV—V вв. для Витебского Подвинья, где они затем сменяются памятниками банцеровской культуры, и II—III вв. для Оршанского Поднепровья в связи с проникновением населения позднезарубинецкой культуры (К. П. Шут, А. Г. Митрофанов, В. И. Шадыро). Признавая участие позднезарубинецкого населения (типа Адаменского селища) в сложении банцеровской культуры (А. Г. Митрофанов) исследователи решающую роль отводят местным культурам.

Исследования последних лет на ряде памятников северо-востока позволяют не только скорректировать верхние хронологические рамки для памятников днепро-двинской культуры и культуры штрихованной керамики, но и по новому осветить участие, позднезарубинецкого населения в этно-культурных процессах рассматриваемого региона.

Начальный этап миграции населения позднезарубинецкой культуры фиксируется по материалам из нижнего горизонта культурного слоя городищ Кисели и Черкасове (Оршанское Поднепровье). Наряду с ребристыми и баночными формами характерными для культуры штрихованной керамики выявлена посуда округлобоких форм типичных для зарубинецких памятников позднего этапа. Хронологически изменения в керамическом комплексе могут определяться находкой бронзовой фибулы среднелатенской схемы рубежа н. э. — 1 в. Аналогичная фибула была найдена Л. В. Алексеевым, на городище Девичья Гора в Мстиславле в культурном слое вместе с керамикой зарубинецких форм.

К концу I четв. I тыс. н. э. расширяется круг памятников содержащих керамику позднезарубинецких форм. Характерной особенностью керамического комплекса нижнего горизонта культурного слоя городища Устье (Оршанский р-н) является способ обработки поверхности сосудов штрихами и почти полное отсутствие лощёной посуды. Наряду с округлобокими формами получают распространение горшки ребристых и тюль-

пановидных форм, В небольшом количестве присутствуют миски. Керамики баночных и слабопрофилированных форм характерных для комплексов днепро-двинской культуры и культуры штрихованной керамики не выявлено. Среди вещей встречаются серпы I группы варианта Б (по Р. С. Минасяну) и узколезвийный топор аналогичный топору из верхнего слоя городища Михайловское (раскопки Я. В. Станкевич) датируемым II—III вв. (В. Б. Короткевич). Ко II—III вв. относятся и типологически сходные с материалами из Устья формы посуды верхнего культурного слоя городища Зароново (Витебское Подвинье, раскопки К. П. Шута). Хронологическим индикатором служит находка массивной шейной гривны аналогичная выявленной в культурном слое городища Церковище наряду с глазчатой фибулой прусской серии и керамикой зарубинецких форм (определение Н. В. Лопатина).

Процесс расселения носителей позднезарубинецкой культуры на северо-востоке завершается в III—IV вв. формированием на их основе новой в культурно-типологическом отношении группы для керамики которой характерен орнамент в виде «расчёсов». В рассматриваемом регионе к настоящему времени известно около 20 памятников этой группы. Стратиграфически напластования культурного слоя «расчёсников» перекрывают комплексы днепро-двинской культуры (Бураково, Казиново, Заговалино и др.). Наиболее изученным является селище на берегу оз. Луговое (г. Городок, раскопки О. Н. Левко). В типологическом отношении (наличие слабопрофилированных и ребристых форм, «сковородок») керамика вполне вписывается в материалы киевской культуры. Сходные материалы выявлены и в Западных областях Смоленщины (памятники типа Заозерье, по определению Н. В. Лопатина).

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ КУНДСКАЯ КУЛЬТУРА НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ

**В. П. Ксензов,
ИИ АНБ.**

Территория Полоцкой земли, находящаяся в границах современного Белорусского Подвинья, имеет хорошо развитую речную сеть, многочисленные озера. К началу мезолита закончилось формирование первой и второй надпойменных террас рек бассейна Западной Двины, озерных котловин. Неуклонное потепление климата отразилось на составе растительности — распространяются смешанные хвойно-сосново-широколиственные леса, в которых появляются многочисленные современные животные — лось, дикий кабан, косуля, медведь, волк и др. Примерно в это время (12—11 тысяч лет назад) в Подвинье появляется первобытный человек. Этнокультурный состав древнего населения региона неоднороден. Здесь 11—7 тысяч лет назад проживали племена нескольких мезолитических культур — днепро-деснинской, гренской, кундской, неманской.

Кундская культура представлена двумя памятниками — Замощем I и Крумплево, расположенных на правом берегу Западной Двины около одноименных населенных пунктов современных Верхнедвинского и Полоцкого районов. Крумплево выявила в 1957 г. Н. Н. Турина, Замоще — автор тезисов в 1983 г. Раскапывался памятник нами в 1983—1985 гг. (вскрыта площадь 732 кв. м.). В ходе раскопок собрана многочисленная коллекция каменных орудий труда и отходов их производства, изготовленных из высококачественного мелового кремня темного цвета с коричневым оттенком. Выходов кремня в Подвинье пока не обнаружено, видимо он импортировался с других регионов (подобный кремь выявлен автором при раскопках неолитического поселения под Оршей).

Первоначальную обработку сырья характеризуют нуклеусы (73 экз.). Большинство их из-за сработанности определенной формы не имеют, уплощены, лишь единичные экземпляры близки к призматическим. Набор орудий в коллекции с поселения Замоще I разнообразен. Из 970 орудий 730 изготовлены из пластин, 235 из отщепов, 5 из кусков кремня, что является показателем пластинчатости инвентаря. Среди наконечников стрел (31 экз.) выделяется несколько типов. В их числе постсвидерские (черешок выделен выемками со стороны спинки и обработан плоской ретушью с брюшка), симметричные (черешок обработан только по краям), кундские (черешок выделяется встречной ретушью, иногда такой же ретушью обрабатывалось острие), типа Пулли. В группе скребков преобладают концевые, встречаются также орудия с овальным рабочим краем, микроскребки, скребачи. Резцы в коллекции только типа на углу сломанного или естественного конца заготовки (56 экз.). Вкладышевые орудия довольно разнообразны: пластинки с ретушью по одному краю, по двум краям, с прямо и косоретушированными основаниями, вкладыши типа Михайловка, простые вкладыши. Проколки (17 экз.) в основном срединные, изготовлены на остроугольных концах заготовок. Многочисленные пластины (59 экз.) и отщепы (47 экз.) с выемками по краям, притупляющей, приостряющей, полукрутой ретушью по краям и концам заготовок. Единичны орудия типа пьес экайе, пластинки со скошенным крутой ретушью концом. Своеобразны орудия (57 экз.) обработанные крутой мелкой и крупнофасеточной ретушью. Среди находок также ретушеры, пластины и отщепы без обработки, кремневые гальки и куски кремня. Подобный, но менее малочисленный инвентарь собран Н. Н. Гуриной на поселении Крумплево.

Состав инвентаря позволяет датировать памятники Замоще I и Крумплево boreальным временем, т. е. 10—9 тысячелетиями до н. э. Вместе со стоянками Звейниекы 2 (верхний слой), Кунда, Умбузи они образуют вторую хронологическую группу кундской культуры. На сегодняшний день поселения Замоще I и Крумплево фиксируют южную границу ареала этой культуры. Отличаются они от других кундских памятников лишь отсутствием в инвентаре орудий из кристаллических пород камня (видимо хватало кремневого сырья) и орудий из кости, которые не сохранились до наших дней из-за залегания в песке на небольшой глубине.

ПОЛАЦКІЯ НАВУЧАЛЬНЫЯ УСТАНОВЫ Ў ПАЧАТКУ XIX СТАГОДДЗЯ (па матэрыялах рэвізіі В. М. Сявергіна)

С. А. Кузнецва,
ІГ АНБ.

Віленская навучальная акруга, створаная ў 1803 г., пачала сваю дзейнасць з рэвізіі стану асветы, на землях, якія ўвайшлі ў яе падпарадкаванне. Усходнюю Беларусь, па просьбе папачыцеля акругі А. Чартарыйскага, наведаў прадстаўнік Пецярбургскага ўніверсітэта, вядомы рускі мінералог і хімік, акадэмік В. М. Сявергін. Яго «Данясенне аб галоўным аглядзе вучылішч у беларускіх губернях Віцебскай і Магілёўскай, здзейсненым у ліпені—жніўні 1803 года» (рукапіс, архіў Вільнюскага ўніверсітэта.) — каштоўная крыніца звестак па гісторыі асветы Беларусі канца XVIII — пачатку XIX ст.

Полацкія запісы Сявергіна асабліва дакладныя і падрабязныя — Полацк быў першым беларускім горадам на яго шляху. Рэвізор убачыў тут тыповую для ўсходніх беларускіх зямель таго часу карціну, адзначыў існаванне ў горадзе ў 1803 г. двух вучылішч: традзіцыйнага духоўнага — езуіцкага і новага свецкага — рускага народнага. Ён даў вельмі падрабязнае іх апісанне (сродкі ўтрымання, кола вывучаемых навук, колькасць, навучэнцаў, імёны настаўнікаў і лепшых вучняў і г. д.). Цікавыя, напрыклад, яго звесткі пра побыт выхаванцаў езуіцкага вучылішча, іх «рэжым дня», лячэнне, харчаванне.

Полацкае езуіцкае вучылішча мела багатыя традыцыі, а па колькасці вучняў (321) было самай буйной навучальнай установай на ўсходзе Беларусі. У сямі яго класах і шасці факультатывах 14 настаўнікаў (прафесараў) выкладалі латынь, польскую мову, свяшчэнную і ўсеагульную гісторыю, геаграфію, арыфметыку, геаметрыю і пачаткі алгебры (малодшыя класы), паэзію, рыторыку, метафізіку, фізіку, хімію, астраномію і багаслоўе (старэйшыя класы), рускую, нямецкую, французскую мовы, архітэкттуру. Быў і пачынальны клас, дзе 51 вучань ва ўзросце ад 8 да 20 гадоў вывучалі «складамі польскую і лацінскую граматы». Вяршынь навук дасягаў не кожны: першы клас наведвала 116 вучняў, апошні, сёмы — толькі 3. Падручнікі выдаваліся ў полацкай езуіцкай друкарні (імі, дарэчы, карысталіся і іншыя кляштарныя школы). Вучні мелі, доступ да багатай кляштарнай бібліятэкі, хімічнай лабараторыі, «натуральнага кабінета».

Полацкае рускае народнае вучылішча было заснавана ў 1789 г. як галоўнае. Але ў 1803 г. з прычыны страты горадам губернскага статусу было ўжо малым, г. зн. мела толькі два класы і двух настаўнікаў. Яно магло даць больш сціпую, чым езуіцкае вучылішча, адукацыю, але адчыняла дзверы і для дзяцей самых бедных мяшчан, і для дзяўчынак — рускія народныя школы, ствараемыя па ўзору аўстрыйскіх,

актыўна выкарыстоўвалі новыя педагогічныя прынцыпы і падыходы. У 1803 г. у полацкім малым народным вучылішчы было 50 вучняў, якія вывучалі рускую граматыку, геаграфію і гісторыю Расіі, усеагульную гісторыю, арыфметыку і геаметрыю, асновы хрысціянскага веравучэння. Сявергін прапанаваў увесці ў курс гэтага вучылішча, суцэльна рускага па мове і духу, вывучэнне польскай і нямецкай моў, неабходных для мясцовых жыхароў. Прыкмеціў ён і то, што гарадская дума вылучала на ўтрыманне вучылішча недастатковыя сродкі, і ад гэтага пакутвалі і настаўнікі, і вучні: заняткі праходзілі ў цесных і халодных пакоях Богаўленскага манастыра (свайго памяшкання вучылішча не мела), не хапала падручнікаў.

Матэрыялы рэвізіі Сявергіна, здзейсненай добрасумленна і старанна, зафіксавалі становішча ў галіне народнай адукацыі ўсходнебеларускага рэгіёна, у тым ліку і Полацка, напярэдадні маштабнай рэформы асветы, якая распачалася ў Расійскай імперыі ў пачатку XIX ст.

К ВОПРОСУ О ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯХ И МОНАСТЫРСКИХ СТРОЕНИЯХ ПОЛОЦКОГО ЖЕНСКОГО СПАСО-ЕВФРОСИНИЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ (середина XIX — начало XX веков)

**В. А. Куприянов,
ПИКЗ.**

Полоцкий женский Спасо-Евфросиниевский монастырь был основан в XII веке.

Во второй половине XVI века этот православный монастырь был отдан во владение иезуитам.

В середине XIX века он вновь становится в ведении православной женской монашеской общины, которая столкнулась с большими трудностями по его восстановлению.

По указу Полоцкой православной духовной консистории № 7866 от 20 декабря 1841 г. была создана епархиальная комиссия по освидетельствованию монастыря, которая признала, что «постройки монастыря, в основном, ветхие и непригодные к использованию».

(ЦГИА РБ в г. Минске, ф. 2548, оп. 1, д. 100)

Об этом же сообщает настоятельница этого монастыря в письме Священному Синоду в 1879 г.: «До 1841 г. монастырь находился в развалинах и запустении». В этом же письме она попросила 6 тыс. руб. для строительных работ монастыря.

(Там же. ф. 2563, оп. 1, д. 16)

Но большое строительство в монастыре развернулось уже в конце XIX века: в 1882 г. была построена колокольня, в 1886 г. расширена теп-

лая церковь (к ней были пристроены алтарь, притвор и ризница), в 1897 году была построена часовня, которая была освещена 8 мая в память восшествия на престол императора Николая II. Большой стройкой монастыря явилось строительство, пятикупольного Крестовоздвиженского храма (1893-1897 гг.). Он должен был стать главным храмом монастыря и ему уделялось большое внимание. В его строительстве и оформлении принимали непосредственное участие лучшие мастерские не только Полоцка, но так же городов Москвы, Смоленска и Вильнюса. Так, например, в строительстве цветных мозаичных полов, карнизных плит и других работ принимала участие известная в то время, отмеченная тремя медалями одна из мастерских г. Вильна (улица Завальная, дом Карасика).

(там же, ф. 2563, оп. 1, д. 17, л. 23).

Иконописные работы выполняла мастерская художественно-живописных, иконописных и стенных церковных работ Якова Ефимовича Епанешникова, город Москва. В архиве сохранилось письмо, в котором этот художник сообщает в Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь, о выполненном им заказе для этого монастыря и стоимости его работ (всего 15 икон). Вот их некоторые названия: «Спаситель — 100 руб., преп. Евфросиния — 100 руб., иконы святых князей Владимира и Александра Невского и другие». Всего этот заказ обошелся монастырю 1270 рублей. На храм было израсходовано 60 тыс. рублей.

Кроме строительных велись ремонтные работы. Приоритет в этом отдавался древней Спасо-Преображенской церкви (в 1841 году на ее ремонт персонально отпускалось 30359 руб. 05 коп.)

(Там же, ф. 2548, оп. 1, д. 100)

Кроме того, с 1866 г. по 1909 г. в этой церкви было проведено еще шесть ремонтов и самый крупный из них в 1885 г., на который было затрачено 2 тыс. рублей.

К началу XX века Спасо-Евфросиниевский монастырь значительно преобразился. Занимал он участок земли в 2,29 десятин. На этой площади кроме культовых зданий находились 5 служебных и около 10 хозяйственных построек. В этом монастыре по данным 1912 года находилась монашеская община в составе: настоятельница, 39 монахинь и 151 послушница.

Являясь монастырем 1-го класса, он представлял собою крупного землевладельца. По данным на начало XX века он имел 320 десятин земли.

Кроме того, монастырь имел небольшие земельные владения в Санкт-Петербурге, Царском Селе, 42 десятины в Витебске.

ДА ГІСТОРЫІ МУРАВАНАГА КУЛЬТАВАГА ДОЙЛІДСТВА ПОЛАЦКАЙ ЗЯМЛІ XIII — XIV СТ.СТ.

А. М. Кушнярэвіч,
ІГАНБ.

Да апошняга часу такое пытанне даследчыкамі не ўздымалася. Храмы XIII—XIV ст. ст. не захаваліся. Адсутнічаюць і іх апісанні. Неакрэслена нават самае вузкае кола даследуемых помнікаў гэтага перыяду.

Амаль поўная адсутнасць пісьмовых крыніц XIII—XIV ст. ст. па Полацкаму княству не дазваляе зрабіць заключэнне пра спыненне будаўніцтва храмаў у такіх гарадах, як Полацк і Віцебск. Пра гэта сведчаць і апрацаваныя А. Л. Харашкевіч граматы XIV ст. Полацка з нямецкімі гарадамі і Гоцкім берагам. З гэтых дакументаў вядомы тры храмы: Св. Сафіі і з капліцай Св. Тройцы, Іаана Прадчэці і Св. Спаса, а таксама манастыры: Барысаглебскі, Пятроўскі на Верхнім замку, заснаваны нейкім князем Міхаілам у 1235 г., Мікалаеўскі на Лучне, Міхайлаўскі за Палатой, Васкрасенскі на Ніжнім замку, Троіцкі і Св. Спяса на гандлёвым двары, Казьмадзямянскі за Пялатой, Багародзіцкі, Прэображэння, Георгіеўскі ў Полі, Пятніцкі на р. Бельчыцы, цобач з Барысаглебскім Узнясенскі. Большасць гэтых манастыроў, на думку А. Л. Харашкевіч, - заснаваны ў XII—XIII ст. ст. Безумоўна, у некаторых з іх былі пабудаваны мураваныя храмы.

Гандаль дазваляў купцам Полацка, Віцебска абменівацца не толькі таварамі, але і знаёміцца ў гарадах Цэнтральнай і Паўночнай Еўропы з архітэктурай, правіламі будаўніцтва мураваных пабудов. У гарады Полацкай зямлі прыбывалі не толькі замежныя купцы, але і, напэўна, майстры муляры.

Вялікую цікавасць ўяўляе касцёл, узведзены, па сцвярджэнню прафесара гісторыі Страсбургскага ўніверсітэта Ф. Дольнгера, у XIII ст. у Полацку нямецкімі купцамі.

Не выключана таксама, што царква з бакавымі апсідамі ў Полацку пастаўлена ў канцы XII — першай палове XIII ст.

У сярэдзіне — другой палове XIV ст. былі заснаваны ў Полацку Троіцкі і Іаана Прадчэці манастыры. У XIV ст. была пабудавана па волі княгіні Ульяны, жонкі вялікага князя Вялікага княства Літоўскага Альгерда Святадухаўская царква ў Віцебску. М. Стрыйкоўскі згадвае два храмы, узведзеныя Альгердам, але іх не называе А. Сапуноў меркаваў, што царква ў Ніжнім аамку — гэта Благавешчанскі храм, а царква за ручаём — Св. Духа. Зараз канчаткова вядома, што Альгерд не ўзводзіў культавай пабудовы на тэрыторыі Ніжняга замка Віцебска, а

только правёў значны рамонт Благовешчанскай царквы. А. М. Паўлінаў і М. М. Шчакаціхін высветлілі, што скляпенні, якія яе перакрышалі, зроблены ў XIV ст. Гэту перабудову помніка зафіксаваў Г. В. Штыхаў у раскопе, закладзеным побач з паўднёвым фасадам храма. А. М. Паўлінаў лічыў, што царква за ручаём, пра якую пісаў М. Стрыйкоўскі, узведзена ў XIV ст. і гэта быў Святаслаўскі храм. У 1986 г. В. М. Ляўко правяла яго архітэктурна-археалагічнае вывучэнне. Былі прасочаны толькі рэшткі Базыльянаўскага кляштару XVII — XVIII ст. ст. Аднак не выключана, што да больш ранняй царквы належылі падмуркі з валуноў, выяўленыя В. М. Ляўко ў шурфах 1 - 2.

Культываванне дойлідства Полоцкай зямлі XIII — XIV ст. ст. характэрны дастаткова шырокія маштабы будаўніцтва. Пры ўзвядзенні храмаў дойліды, напэўна, падтрымліваліся традыцыяй усходнеславянскай архітэктуры XII — XIII ст. ст. у адносінах агульнага тыпу будынкаў.

МЕЧИ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ (X — XIII вв.)

Г. В. Ласкавий,
ИИ АНБ.

Первые упоминания о мечах у полочан содержатся в Лаврентиевской летописи (под 1128 г.) и в тексте «Слова о полку Игореве», однако их знакомство с этим оружием произошло гораздо раньше, возможно даже в начале IX в.

Самый древний экземпляр — каролингский меч X в. из Полоцка рукоятью типа «у» (по Я. Петерсену) достаточно известен по публикациям. Что касается неизвестных ранее боевых характеристик, то измерения проведенные автором по методике А. И. Соловьева показали максимально возможное для этого вида оружия значение КПД = 0,45. Изображения рукоятей указанного типа известны по граффити на монетах начала и середины X в. из Горовлянского и Козьянковского кладов. Форму перекрестия меча «эпохи викингов» повторяет роговое изделие с г-ща Прудники (С-Зап. Белоруссия, раскопки В. И. Шадыро). Каролингский меч с аналогичным перекрестьем и навершьем из рога найден неподалеку от Бытошца (Польша).

Железные, чечевицеобразные и листовидное навершья с Масковицкого г-ща (С-Зап. Белоруссия) схемой Р. Е. Оуксшотта связываются с романскими клинками типов X—XI и XII, XIII—XIIIa. Рисунки на костях с указанного памятника и иконка-подвеска из Копыси изображает воинов именно с такими мечами. Трехдольные навершья из Друцка и Минска относятся к восточноевропейским образцам и по древнерусским аналогиям следует признать их связь с клинками типов XIa, XII, реже XI.

Бронзовые наконечники ножен мечей с изображением птиц (?) и растительным орнаментом типов IV и VII (по Г. Ф. Корзухиной) из Друцка и Полоцка принадлежат к кругу древностей Готланда и Восточной Прибалтики. Подобной же формы наконечник из Масковичей, но с

орнаментикой в виде насечек по краям и в основании выступа-трилистника идентичен экземпляру из Княжей Горы. Синтез черт присущих типам IV и V заметен на наконечнике из Лукомля (раскопки Г. В. Штыхова). Железные U-образные наконечники общеевропейских типов происходят из Полоцка (раскопки С. В. Тарасова). Существовал и способ скрепления нижней части ножен прошивкой бронзовой проволокой. Ее фрагменты в виде сильно вытянутых пружин могут приниматься исследователями за деформированные спиральные пронизки или обломки плетенных браслетов.

Ножны носились на плечевой перевязи или поясной портупее, но имело место и непосредственное подвешивание к поясу с помощью проорезей в их кожанной обшивке. Не исключено, что, как раз такой способ подвески изображает граффити на византийской монете середины X в. из Ериловского клада.

Хотя следов производства мечей на рассматриваемой территории не обнаружено, связывать их бытование здесь исключительно с импортом неправомерно. Даже клеймо мастерской Ульфберта, которое несет полоцкий клинок не является, по мнению А. Надольского, стопроцентным доказательством его западноевропейского происхождения, поскольку такие клейма могли заимствоваться местными мастерами как своеобразный знак качества, либо изображение магического характера. Результаты исследований М. Ф. Гурина указывают на знакомство кузнецов Полоцкой земли с технологическими приемами, необходимыми для производства достаточно качественных клинков.

Цена меча, вопреки распространенному мнению, также не была слишком высока. В IX — X вв. она достигала 100 — 125 г. серебра. В более позднее время отмечается тенденция еще большего ее снижения — на рубеже XIV — XV вв. меч стоил уже 24 — 30 грошей. Это означало, что такое оружие было вполне доступно и рядовым воинам.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОРШИ

**О. Н. Левко,
ИРИ РАН.**

В 1992 г. один из древнейших городов Беларуси — Орша отмечает свое 925-летие. Первоосновой городской планировочной структуры является древнее городище при впадении р. Оршицы в Днепр в центральной части современного города. Вокруг него на начальном этапе располагался неукрепленный посад. В XIV в. Орша включала замок (составной частью которого было городище), посад на правом и левом берегах Оршицы. Уличная сеть развивалась от замка вдоль Днепра и по двум берегам Оршицы. Документы XVII в. называют на территории Орши «концы» и «слободы», в XVIII в. известен также «земляной город» (укрепленный посад). Мощность напластований на городище достигает 1,6 — 3,6 м. Выделены три стратиграфические слоя, которые хронологи-

чески относятся к XI — XIII, XIV — XVI вв. и верхний — к более позднему времени. (А. Н. Лявданский, 1928). В раскопах I-III (Ю. И. Драгун, 1965 — 1968) на площадке городища выявлено одиннадцать строительных ярусов деревянной застройки. Постройки — наземные срубы без фундаментов, рубленные в обло. Иногда под углы падакладывались камни. Печи глинобитные, дворы замощены деревянными настилами, разделялись частоколом. В раскопах IV — V (О. Н. Левка, 1988) как и в предыдущих раскопках, шурфах, траншеях обнаружены, материалы эпохи феодализма. В раскопе V выявлен фрагмент вала. Время сооружения которого — XII в., время разрушения — первая половина XVII в. Здесь же найден фрагмент каменной вымостки с известковым раствором, идущей параллельно насыпи вала. Время сооружения ее — XIV в. Возможно, это фрагмент каменной стены? Внутривальных конструкций не обнаружено, однако прослойки углей на разных уровнях свидетельствуют о неоднократных пожарах и подсыпках. Материалы второй половины XVII в. и более позднего времени перекрывают насыпь вала.

Исследование рва у подножья городища (О. Н. Левко, 1990) показало, что как и вал он датируется XII в. На прилегающей к городищу площади выявлены материалы XII — XVIII вв. Раскопки на доступных участках плотно застроенной замковой территории (О. Н. Левко 1990—1991) за зданием типографии показали, что участок был заселен с XII в. Выявлены фрагменты фундаментов каменных строений XVIII в. и возможно более раннего времени. Следов сооружения каменного замка не обнаружено. На неукрепленной части посада проводились археологические наблюдения и раскопки. (О. Н. Левко, 1987 — 1991). В северном направлении посад на правом берегу р. Оршицы развивался вдоль современной ул. Энгельса с XII по XVII вв. На материке материалы XVII в. фиксируются при пересечения ее с ул. Народной. Монастырь Базилиан был построен также на правом берегу р. Оршицы во второй пол. XVIII в. на пустыре. Здесь культурные напластования более раннего времени отсутствуют. Нижние напластования на территории Иезуитского коллегиума, построенного в XVII в. за замковым рвом, датируются XV в. А за стеной коллегиума на месте расположения бывшего костела выявлены и отдельные предметы древнерусского времени (О. Н. Левко, 1991). Возможно, редкое заселение этой территории было уже в XII — XIII вв.

Ближайшие по местоположению к древнему городищу Орши курганные могильники в ур. Грязивец (Н. Е. Брандербург, 1889, А. Н. Лявданский, 1928) и в ур. Дубки (А. Н. Лявданский, 1928) по характеру захоронения и погребальному инвентарю датированы исследователями XI — XII вв. На наш взгляд не исключено, что данные погребения относятся к XII — XIII вв. Захоронения производились на горизонте и в подкурганных ямах в гробах (найлены гвозди при костяке).

Весь комплекс полученных археологических источников по формированию и развитию г. Орши пока не позволяет окончательно определить ее функциональное назначение на раннем этапе развития, а также утверждать, что с XI в. данное поселение было городом.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ ДРЕГОВИЧСКОЙ ЗЕМЛИ

Е. А. Линёва,
КГУ.

Вниманию современных исследователей Полоцкой земли предлагается напомнить о тех, кто внес свой скромный вклад в изучение края в XIX в. Александр Максимович Сементовский родился в 1820 г. Высшее образование получил в Нежинском лицее. Был исследователем юго-западного и северо-западного края. Издал такие труды как «Витебск и уездные города Витебской губернии» (СПб, 1864), «Памятники старины Витебской губернии» (1869) и ряд других работ касающихся этого региона, а также городов Украины.

В дореволюционной России центрами по изучению того или иного края, его истории становились научные общества. Одним из таких было, созданное в 1873 г., а с января 1874 г. работавшее при Киевском университете св. Владимира Историческое общество Нестора-летописца.

Круг вопросов, над которыми работали члены общества был чрезвычайно широкий — история, археология, краеведение, история права, история церкви, нумизматика, литература, фольклор и т. п. Его членами были такие известные отечественные историки как Н. И. Костомаров, В. Б. Антонович, В. С. Иконников и многие другие, а также ректоры, профессора других учебных заведений и университетов (Московского, Петербургского, Харьковского, Тартуского, Вильнюсского, Венского). Оно поддерживало тесные научные связи с аналогичными обществами Москвы, Одессы, Петербурга и других городов. Члены Исторического общества Нестора-летописца были неоднократными организаторами и участниками всех 15 Археологических съездов, два из которых проходили в Киеве (1873, 1899 гг.). За время своего существования при университете св. Владимира (до 1917) оно издало 24 книги в 48 выпусках (1879 — 1914) «Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца» (ЧИОНЛ).

Один из его членов, экстраординарный профессор Киевской духовной академии Владимир Зенонович Завитневич занимался исследованием земли дреговичей. По раскопкам могильников пытался установить типы и обряд захоронений у дреговичей, а также по погребальному обряду установить границу расселения дреговичей. О своих археологических изысканиях он неоднократно докладывал на заседаниях общества Нестора-летописца, а также опубликовал основные научные выводы в ряде работ: «Археологические раскопки в системе рек Немана и Березины» (ЧИОНЛ, Кн. 2, с. 279 — 280. Киев, 1888); «Из археологической экскурсии в Припетское Полесье» (ЧИОНЛ, Кн. 4, отд. 2. с. 1 — 29. Киев, 1809); «Вторая археологическая экскурсия в Припетское Полесье» (ЧИОНЛ, Кн. 6, отд. 2. с. 11 — 19, Киев, 1892); «Археологические розыскания в бассейне р. Березины, произведенные летом 1893 г.» (ЧИОНЛ, Кн. 8, ютд. 2, с. 8 — 9, Киев, 1894).

В. З. Завитневичем было исследовано более 300 курганов от Припети до Западной Двины и по форме погребального обряда он их разделил на 4 типа: 1) погребение в ямах, 2) на поверхности земли, 3) в насыпи кургана, т. е. выше поверхности земли и 4) трупосожжение.

Весьма интересна развитая им полемика о возникновении обряда трупосожжения и его трактовка.

Его исследования подтвердили тогда летописные данные и уточнили границу проживания дреговичей на юге по р. Припети с древлянам. В опубликованных материалах имеется подробное описание мест раскопок, самих типов захоронений и сопроводительного инвентаря.

Значительный вклад внесли члены. Исторического общества Нестора-летописца в изучение древнейшего прошлого не только на территории Украины, но и разных регионов Российской империи. К сожалению, на протяжении многих десятилетий мы не могли упоминать их фамилии и использовать их труды. Сегодня мы должны с надлежащим вниманием отнестись к их научному наследию, восстановить прерванную цепочку научных знаний и должным образом оценить то, что сделали эти первоходцы исследований славянских древностей.

ПОЛОЦКАЯ ЛЕТОПИСЬ О КНЯЗЬЯХ ЕРСИКИ И КОКНЕСЕ

**Е. Л. Назарова,
ИРИ РАН.**

1. Полоцкая летопись как единый подлинный источник не сохранилась. Считается что список летописи был использован В.Н. Татищевым, при написании «Истории Российской». Оттуда были взяты и сведения, касающиеся истории Восточной Прибалтики, которые отсутствовали в других русских летописях: легенда о Святохне и её пасынках — Вячко и Василько, бежавших от мести мачехи во владения Полоцка на Западной Двине, и рассказ об обороне Юрьева в 1224 г. Именно эти сведения легли в основу историографической традиции, считавшей, что известные по древнейшей «Хронике Ливонии» правители латгальских княжеств Ерсики и Кокнесе — русские князья из полоцких Рюриковичей, а укрепления в Ерсике и Кокнесе были созданы как центры русского господства в этом регионе.

2. Подлинность списка Полоцкой летописи и достоверность приведенных в нем известий подвергалась сомнению некоторыми русскими исследователями. Н. П. Лыжин полагал, что легенда о Святохне — не отражение событий XIII в., а политический памфлет времени Анны Иоанновны, составленный П. М. Еропкиным, от которого Татищев получил рукопись Полоцкой летописи. Предположение Лыжина встретило активные возражения со стороны А. Сапунова, доказывавшего подлинность источника.

3. Тщательный анализ содержания легенды о Святохне в сопоставлении с сообщениями «Хроники Ливонии» Генриха позволяет усомниться в её достоверности. Не соответствует хронике и другим источникам, предложенная Татищевым, вслед за летописцем, хронология событий. Вызывает недоумение полное умалчивание о наступлении крестоносцев на двинские владения Полоцка. Расходятся в хронике и у Татищева сведения о самом полоцком князе. В хронике это — Владимир, в легенде — Борис Давидович, отец Вячко и Василько.

4. С текстом легенды в «Истории Российской» непосредственно связано сообщение о походе русских князей на Галич в 1218 г., среди которых Татищев упоминает полоцкого князя Василько Борисовича. В других же летописях, являющихся более надежным источником по этому вопросу (в Ипатьевской и Волынской), назван Василько — брат Романа Галицкого, не имевший отношения к Полоцку.

5. В рассказе об обороне Юрьева в 1224 г. (у Татищева — 1223 г.) говорится о князе Вячко Борисовиче, хотя в единственной из русских летописей, упоминавших это событие — Новгородской Первой, отчество князя не указано. Нет в Новгородской летописи и описания осады города, а также причин поражения, приводимых в «Истории Российской».

6. Содержание рассказа вызывает сомнение в том, что автор его — полоцкий летописец — современник описываемых событий. С одной стороны, он проявил осведомленность более той, которая могла быть для него реально доступна. С другой — не упоминает о факте, который при его информированности он должен был знать.

Кроме того, некоторые детали рассказа Татищева имеют аналогии в поздних Ливонских хрониках, перелагавших события XIII в., в частности, в хронике XVI в. Б. Рюссова, неизвестной Татищеву. Это наводит на мысль о том, что автор рассказа был знаком с трудом Рюссова.

7. Таким образом, не характеризуя попавшую к Татищеву Полоцкую летопись в целом, можно сказать, что рассмотренные выше эпизоды не являлись составной частью оригинала источника XIII в. Легенда о Святохне и рассказ об обороне Юрьева имеют позднее происхождение. Причём, при включении их в рукопись были внесены изменения в те сообщения, которые могли уже находиться в тексте источника. Тем самым вставляемые сюжеты были введены в контекст летописи.

РОД КОРСАКАЎ — АДЗІН СА СТАРАЖЫТНЫХ БАЯРСКІХ РОДАЎ ПОЛАЧЧЫНЫ.

**В. Л. Насевіч,
(Менск).**

Баярства Полацкай зямлі было ў сярэднявеччы ледзь не самым уплывовым фактарам у яе гісторыі. Полачына, як вядома, пры ўваходзе ў склад Вялікага княства Літоўскага (каля 1307 г.) атрымала сваеасаблівы федэратыўны статус: вялікія князі абавязаліся «не рушыці

старини» іне ўмешвацца ва ўнутраныя справы княства. У такіх умовах буйное баярства атрымлівала значную ўладу.

Сярод шматлікіх родаў полацкіх баяр асаблівае месца займае род Корсакаў. Першыя яго прадстаўнікі, браты Фёдар і Вярціла, упамінаюцца ў полацкіх граматах у 1385 г. Прыкладна ў гэты ж час полацкі князь Андрэй Альгердавіч даў Фёдору і яго сыну Дзмітрыю прывілей на сяло Семянцова на Беразвячы з вялізным зямельным абшарам паміж р. Беразвяччу і Дзіснай. Гэтыя землі на паўднёвым захадзе Полаччыны складалі затым галоўную вотчыну Корсакаў.

Пасля скасавання Полацкага княства ў канцы XIV ст. Фёдар нейкі час быў вялікакняжацкім намеснікам у Полацку (захавалася яго пячатка з выявай так званай «Котвіцы» — пазнейшага герба Корсакаў). Яго сын Дзмітрый пакінуў трох сыноў: Саву, Яшку і Васіля. Усе яны адыгрывалі значную ролю ў час барацьбы паміж Свідрыгайлам і Жыгімонтам у 1430-я гады: подпісы Яшкі і Васіля ёсць сярод подпісаў членаў вялікакняжацкай рады Свідрыгайлы.

У далейшым ад Савы пайшла галіна Савічаў (Совічаў) — Корсакаў на Меншчыне, уладальнікаў Узды і інш. Гэтая галіна карысталася гербам «Ястрабец», які быў нададзены Корсакам, верагодна, у 1434 г. Брат Савы Васіль (памёр ў 1452 г.), намеснік полацкі, і яго нашчадкі ўжывалі ў якасці герба старажытную родавую эмблему — «Котвіцу», Васіль пакінуў сыноў Астафія (уп. 1475) і Зіновія (уп. 1482), ад якіх пайшлі дзве полацкія галіны. У канцы XV — пач. XVI ст. Глеб Астаф'евіч валодаў маёнткамі Псуя, Забор'е, Удзяло, а го брат Багдан — маёнткамі Беразвяч, Пліса, Язна і інш. Сцяпан, Міхаіл, Андрэй і Іван Зяноўевічы валодалі Галубічамі, Бабынічамі, Туросай, Усомнам і інш. Корсакам належалі і вялікія воласці ў Задзвінні.

У I пал. XVI ст. род Корсакаў уваходзіў у першы дзесятак найбагацейшых родаў ВКЛ. Паводле попіса 1528 г, удава і 6 сыноў Глеба Астаф'евіча ставілі ў войска 104 конных воінаў, Дзмітрый Багдановіч — 33, удава і 3 сыны Івана Зяноўевіча — 50, удава і 3 сыны Міхаіла Зяноўевіча — 52. Увогуле род Корсакаў (без менскай галіны) ставіў 239 коней, г. зн. меў каля 20 тыс. залежных сялян. Для параўнання: астатнія 47 баяр Полаччыны ставілі разам каля 450 коней.

Але рэальная палітычная вага Корсакаў не адпавядала іх багаццям. Яны былі праваслаўнымі і таму не маглі займаць высокія дзяржаўныя пасады. Дзейнасць іх замыкалася ў межах Полаччыны. У далейшым род моцна разгалінаваўся (ужо ў наступным пакаленні, у сярэдзіне XVI ст. ён налічваў звыш 20 дарослых мужчын адначасова). Драбленне старых вотчын ішло хутчэй за набыццё новых. У гэты час адметнай асобай быў унук Глеба Астаф'евіча Баркулаб Іванавіч — актыўны ўдзельнік Лівонскай вайны, заснавальнік мястэчка Баркулабава на Дняпры.

Шматлікія адгалінаванні Корсакаў існавалі на ўсім працягу гісторыі ВКЛ і Расійскай імперыі. Некаторыя з іх займалі сенатарскія пасады Рэчы Паспалітай: кашталяна полацкага, ваяводы месціслаўскага і сма-

ленскага. З іх імёнамі звязана гісторыя мноства населеных пунктаў Полаччыны. Нашчадкам роду быў і кампазітар Рымскі-Корсакаў.

ПОЛАЦК У ГАДЫ ПАЎНОЧНАЙ ВАЙНЫ

У. І. Пашкевіч,
ІГ АНБ.

Першая палова XVIII ст. была адным з самых драматычных перыядаў у гісторыі Беларусі. Глыбокі эканамічны і палітычны крызіс, што ахапіў Рэч Паспалітую, значную частку якой складалі беларускія землі, узмацняўся масавымі разбурэннямі ў Паўночную вайну. На працягу некалькіх год, да самай бітвы пад Палтавай, тэрыторыя Беларусі была асноўным тэатрам ваенных падзей, базай забеспячэння як швецкага, так і рускага войска, а таксама войскаў Рэчы Паспалітай. Яны збіралі з насельніцтва непасільныя кантрыбуцы, што суправаджалася масавым рабаваннем, гвалтам і забойствамі. Страшэнную цану заплаціў беларускі народ у гэтай вайне. Насельніцтва скарацілася на трэць, а гэта больш за 700 тыс. чалавек.

Полацк аказаўся ў эпіцэнтры падзей у першыя ж гады вайны. 30 жніўня 1704 г. адбылося падпісанне саюзнага дагавора паміж Рэччу Паспалітай і Расіяй, а ў наступны дзень Пётр I ужо аддаў загад аб накіраванні да Полацка генерала Рапніна на чале 10 тыс. атрада. Галоўнай яго задачай было не аказанне ваеннай дапамогі свайму саюзніку — польскаму каралю Аўгусту II, а збор правіянт у стварэнне базы для галоўных сіл рускай арміі, якія планавалася накіраваць у межы Рэчы Паспалітай у наступным годзе. «Будучы там, збіраць усякі правіант на сорак тысяч, у разліку на сем, а калі немагчыма, так на пяць месяцаў на ўсю армію; але трымаць у тайне, што гэта на ўсю армію і рабіць выгляд быццам бы толькі на сваё войска», — загадваў Пётр I.

Атрад Рапніна прыбыў у Полацк 31 кастрычніка 1704 г. Пяхота была размешчана ў самім горадзе. Вось што аб гэтым даносіў Рапнін цару: «Пяхоту паставіў у вялікім горадзе і за Палотваю і за Дзвіною ва ўсіх слабодках з вялікім уцясненнем, за малою колькасцю двароў». Артылерыю ўстанавілі ў Верхнім замку, там жа спыніліся афіцэры. Пачалася работа па рамонту гарадскіх умацаванняў. Норма збора правіянт для рускіх войскаў, якую ўстанавіла шляхта Полацкага ваяводства на сейміку ў лістападзе 1704 г., выклікала незадавальненне Рапніна. Пад пагрозай прымянення сілы шляхта пайшла на ўступкі. Прадукты, сабраныя для арміі, захоўваліся ў Верхнім замку, у «старых ваяводскіх і архіепіскапскіх харомах».

Вясною 1705 г. у раёне Полацка сканцэнтраваліся галоўныя сілы рускай арміі — каля 40 тыс. пяхоты і 20 тыс. конніцы. Усе расходы па ўтрыманню такой вялікай арміі несла мясцовае насельніцтва, Збор правіянт суправаджаўся свавольствам і рэпрэсіямі. У выпадку нявыплаты ў срок, накіроўваліся ўзброеныя атрады для «экзекуцыі» — прыму-

совага спягання. Як і паўстагоддзя назад, у руска-польскага вайну 1654—1667 гг., з гарадоў Беларусі пачаўся вываз рамеснікаў у Расію. Усё гэта вызывала пратэсты насельніцтва. Пятроўская канцылярыя была закідана скаргамі беларускіх сялян і гараджан на ўціск з боку рускіх войскаў і прашэннямі засцерагчы іх ад самавольства.

У канцы чэрвеня 1705 г. у Полацк прыбыў Пётр I. Тут ён выдаў «Грамату к жыхарам Каралеўства Польскага і Вялікага княства Літоўскага» у якой гаварылася, што рускія войскі ўступілі на тэрыторыю Рэчы Паспалітай для дапамогі Аўгусту II. У дзень імянін Пятра I, 10 ліпеня, адбылося яго сутыкненне з уніятамі ў Сафійскім саборы, у выніку чаго прама ў саборы было забіта некалькі ўніяцкіх святароў. Аб гэтым здарэнні гісторыкі стараліся не прыгадваць, бо яно не з лепшага боку характарызавала рускага цара. За нянавісцю Пятра I да ўніятаў стаялі экспансіянісцкія палітычныя планы манарха імперыі, якая нараджалася за ўсходнімі межамі Беларусі.

ЗАПАДНОДВИНСКАЯ МАГИСТРАЛЬ И СВЯЗИ ДРЕВНЕЙ РУСИ С ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИМИ ЗЕМЛЯМИ

**В. Б. Перхавко,
ИРИ РАН.**

Будучи одним из ответвлений знаменитого пути «из Варяг в Греки», Западновинская водная магистраль уже в середине IX в. приобрела значение международной транзитной торговой артерии. В эпоху раннего средневековья она играла важную роль в связях восточных славян не только со Скандинавией, Германией, но и с более близкими соседями — западнославянскими народами, о чем свидетельствует ряд археологических и нумизматических данных.

Уже в 40-х—50-х гг. IX в. по Западной Двине в славянское Поморье направился один из потоков арабских дирхемов, клады и отдельные находки которых известны как в Западновинском бассейне (Ахремцы, Доброно, Поречье, Симоны, Соболево и др.), так и на южном побережье Балтийского моря (свыше 50 местонахождений IX—X вв.). Их перевозка этим же путем через Балтику осуществлялась и в X в., когда были зарыты несколько крупных кладов на Витебщине (Козьянки под Полоцком, Прусеничи и др.).

При раскопках курганов и поселений в Гнездове под Смоленском, Ключевом пункте на трассе Западная Двина — Днепр через волок, найдено несколько вещей западнославянского происхождения, в большинстве своем поступивших сюда в X в. из Моравии и Южной Польши с юга, через Среднее Поднепровье серебряные и бронзовые височные кольца, железный топорик-чекан и др.). Но наряду с ними в гнездовских материалах еще В. И. Сизовым зафиксировано присутствие образцов гон-

чанной посуды со штампованным орнаментом, типичным для поморских славян. Недавно Е. В. Каменецкая (1977) пришла к выводу, что относительно небольшое количество керамики балтийских славян появилось в Гнездове во 2-й половине X в. и на рубеже X/XI вв. Вряд ли она могла быть доставлена сюда иным путем, чем наиболее коротким и удобным по Балтийскому морю и Западной Двине. Возможно, в таких судах перевозили какие-нибудь сыпучие товары, например, соль из соляных источников славянского Поморья (Колобжег и др.).

С рубежа X/XI вв. на территорию междуречья Западной Двины и Верхнего Днепра стало поступать западноевропейское серебро транзитом через Польшу и Поморье. В основном оно представлено денариями, чеканенными в Англии и Германии, но наряду с ними в некоторых кладах (Горовляны, Новый Двор, Полоцк, Стражевичи) и курганах (у д. Саки на Смоленщине) попадались единичные экземпляры чешских монет Болеслава II (967—999 г.), Яромира (1004—1015), Бржетислава I (1034—1055) и так называемых «вендок» из Западного Поморья. Клад, открытый в Полоцке в 1910 г., а зарытый около 1070 г., включал помимо монет значительное количество рубленного серебра и олова в виде лепешкообразных слитков, трапециевидных пластинок, кусков дрота, фрагментов украшений. По составу он весьма близок кладам рубленного серебра из Польши и Поморья. Из Гданьского Поморья в Подвинье и Верхнее Поднепровье, очевидно, привозили янтарь и янтарные изделия, обнаруженные в Витебске, Полоцке, Смоленске.

В обратном направлении с XI в. по Западной Двине и Балтике в славянское Поморье купцы стали ввозить некоторые древнерусские ремесленные изделия (пряслица для прядения из розового овручского шифера, глиняные поливные пасхальные яйца-писанки с полихромными узорами, дверные трубчатые замки, отдельные образцы стеклянной посуды и бус), открытые в Волине, Гданьске, Колобжеге, Щецине. Таким же путем туда проникали восточные сердоликовые бусы, частично византийские монеты.

Существование и активное функционирование торговой магистрали Западная Двина — Балтика — Поморье подтверждается текстом более позднего договора 1229 г. Смоленска с Ригой, Готландом и немецкими городами.

К ВОПРОСУ О БОРЬБЕ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА ПОЛОЦКА С УНИЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА.

**П. В. Пирог,
КГПИ.**

В XIV в. началась экспансия католицизма в Белоруссию. Особое ее усиление происходило после заключения в 1596 г. Брестской церковной

унии, главным условием которой было «признание главенства и непогрешительности Папы Римского». Подготовка и провозглашение унии осуществлялись путем обмана и насилия, без учета интересов народа. В своем «Диариуше» А. Филиппович отмечал, что «...проклятый унит православного брата своего забиял и преследовал... В местах, в местечках и селах... як то в... Полоцку, Витепску... Берестю и инших аж назбыт прикрости и злости выражал и преследовал». Острые унии было направлено на защиту господствующих классов.

Православное население Белоруссии не могло смириться с весьма тяжёлым положением. Началась упорная борьба с унией, в которой приняли участие широкие круги белорусского народа: крестьяне, горожане, православное духовенство. Активно включилось в эту борьбу население города Полоцка, о чем свидетельствуют источники первой половины XVII века. Так, в «Решении Полоцкого магистрата» от 15 февраля 1640 г. отмечалось, что мещане предместья Кобак г. Полоцка Алексей Одзеруха и Яско Миколаевич проявили «зневагу... и спротивенство декретови его королевской милости». Совместно с другими кобацкими мещанами они явно отказались от принятия униатского вероисповедования. «Учынивши бунт», кобчане обругали отцов-законников Борисоглебского монастыря, угрожая «их бить, забиять и в реку утопить».

О «бунтовниках полоцких», отказавшихся исповедовать униатскую веру, упоминается также в письме униатского архиепископа И. Кунцевича митрополиту И. Ружанскому от 1622 г.

О жалобе полоцкого лентвойта К. Есмана в Могилевский магистрат отмечалось, что городской скорняк Федор Алексеевич 26 августа 1646 года публично оскорбил униатов, обозвав их веру дьявольской: «на таковых людей свольных и гардых описаную, смел и важылсе, наипервей наступуючы на веру светую униатскую, мовечы и повторяючы не раз, не десять, же то есть дьябельская и шатанская вера униатская и не от бога, але от дьябла тая вера вышла шалберская». В ответ на замечания лентвойта Алексеевич его «словами неучтивыми лжыл» и «шкле-ницюу в палец руки правое его милости краве обранил и зранил».

Известны случаи неоднократного покушения в 1633 г. мещан Полоцка на униатского архимандрита Антония Селяву. Так, 12 октября неизвестными лицами была обстреляна лодка, в которой он направлялся по реке Двине к Борисоглебскому монастырю. В этот же день возле монастыря «повтурне з мушкетов» в него стреляли Иван Филипович, Ходко Микулич и Штешко Залозич. А. Селява жаловался в магистрат о «непослушенстве» и волнениях полоцких мещан. Особо опасными казались архимандриту Карл Оспанка, Григорий Шапочник, Стефан Афанасович.

Таким образом, формы протеста введению и распространению унии были самыми разнообразными. В конечном итоге в результате сильного противодействия православного населения уния была отвергнута белорусским народом, не была им принята. Существенная заслуга в этом по праву принадлежит и жителям города Полоцка.

ТРИУМФАЛЬНЫЙ КРЕСТ НА БОРИСОВЫХ КАМНЯХ

В. Г. Пуцко,
Худ. музей. Калуга.

Давно уже было обращено внимание на встречающиеся в пределах древнего Полоцкого княжества огромные камни-валуны с высеченным на них изображением креста, причем на шести из них были надписи благопожелательного характера, с упоминанием имени Бориса. Иные камни с именами Рогволода и Сулибора, а также с высеченными на них крестами, но без надписей. Часть камней уничтожена; камень с надписью «Сулиборь хръст» в 1879 г. перевезен в Москву. Литература об этих камнях довольно обширная, в основном посвященная происхождению надписей на них и функциональному назначению самих камней (Таранович В. П. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР) (Сов. археология, 1946. — Т. 8. — С. 249—260):.

Впервые о надписях на камнях упомянул И. Стрыйковский в своей Хронике, изданной в Кенигсберге в 1582 г. Наиболее распространенным было мнение о том, что Борисовы камни могли служить пограничными знаками Полоцкого княжества. А. Плятер и А. К. Киркор видели в надписях стремление увековечить память Бориса. По мнению Е. Р. Романова, кресты с надписями высечены в целях христианизации народных масс или в память о пребывании в этой местности князя. А. П. Сапунов предполагал желание посредством иссечения крестов и благочестивых надписей Бориса обезвредить камни, затруднявшие судоходство на Двине. М. И. Ермолович считает, что камни с надписями отмечают военные походы князя Бориса на ятвягов в 1102 г. и земгалов в 1106 г. Б. А. Рыбаков видит в крестах с надписями, иссеченными скорее всего в начале мая 1128 г., стремление освятить места языческих культов, когда бедствие приняло ужасающие размеры. Речь идет о последствиях голода, начавшегося летом 1127 г.

Обычай изображения креста на камнях является общехристианским и засвидетельствован многочисленными примерами, восходящими к раннему средневековью. Начертания крестов можно видеть на стенах капadoкийских пещер и храмов в Армении, Грузии, на Балканах. В Армении, кроме того, как известно, получили широкое распространение особые камни с резными крестами — «хачкары», генетически связанные с дохристианскими памятниками, лишь впоследствии украшенными изображением креста (Ехегнадзор). Крест присутствует в молитвенных надписях среди древнейших глаголических граффити Преслава (Гошев Ив. Старобългарски глаголически и кирилски надписи от IX и X в. — София, 1961).

В Киевской Руси эта традиция получила развитие, о чем позволяют

судить граффити на стенах Софийского собора в Киеве (Высоцкий С. А. 1) Древнерусские надписи Софии Киевской. XI—XIV вв. — Киев, 1966.— Вып. 1; 2) Средневековые надписи Софии Киевской. — Киев, 1976), Михайловской церкви Выдубицкого монастыря, церкви Спаса на Берестове (Высоцкий С. А. Киевские граффити XI—XVII вв. — Киев, 1985), Софийского собора в Новгороде (Медынцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. XI—XIV века. — М., 1978). Как и на Борисовых камнях, кресты входят в состав многих благопожелательных надписей. Иногда их делали в минуту смертельной опасности (Воронин Н. Н. Граффити 2 февраля 1238 г.) (Славяне и Русь.— М., 1968. — С. 401—405).

Зная об этом, нетрудно понять и причины изображения триумфального креста на Борисовых камнях, возможно, ранее являвшихся языческими фетишами. Появление христианского символа на них значило гораздо больше, чем мыслимая информация о политических событиях: скорее речь может идти о победе на беса. Отсюда возникает вопрос о связи крестов с надписями на камнях с заключительным этапом христианизации Полоцкой земли.

ПАДЗЕІ ЛІВОНСКОЙ ВАЙНЫ (1558 — 1583) НА ПОЛАЧЧЫНЕ (У «ХРОНІЦЫ» МАЦЕЯ СТРЫЙКОЎСКАГА)

**А. А. Семянчук,
ІГ АНБ.**

Да гэтага часу падзеі Лівонскай вайны на тэрыторыі Беларусі не знайшлі адпаведнага адлюстравання ў гістарычнай навуцы. Між тым яны вельмі драматычна разгорталіся на полацкай зямлі і мелі станоўчае значэнне для вынікаў вайны. Беларускія землі Вялікага княства Літоўскага з'яўляліся асноўным тэатрам вайсковых дзеянняў (апроч Лівоніі). Аб чым сведчаць шматлікія крыніцы па гісторыі гэтай вайны як замежнага паходжання, так беларуска-літоўскія і рускія летапісы.

Характэрнай асаблівасцю рускага летапісання з'яўляецца яго прамаскоўская накіраванасць. Дагэтул ва ўсіх падручніках і нарысах па гісторыі Беларусі адлюстравана менавіта гэтая трактоўка падзея. Зусім іншае асвятленне іх даюць беларуска-літоўскія летапісы (напрыклад, «Хроніка Быхаўца», «Хроніка Літоўская і Жамойцкая») і замежныя крыніцы (пераважна польскія). Але нас перш за ўсё цікавяць сведчанні сучасніка і магчымага сведкі вайсковых падзей, польскага пісьменніка і храніста Мацея Стрыйкоўскага, які служыў у Віцебску на пачатку 70-х гадоў XVI ст. Менавіта ён у сваёй «Хроніцы польскай, літоўскай, жамойцкай і ўсёй Русі» прадставіў багаты і падрабязны матэрыял аб пачатку Лівонскай вайны на татка званай «Ліфляндскай зямлі», аб захопе маскоўскім войскам Полацка і іншых падзеях. Сам ён, верагодна,

не прымаў удзелу ў бітвах, бо на месцах былых баёў ён быў пасля заключанага ў 1570 г. пагаднення (З. Вайткавяк). Але як люстратар-картограф падарожнічаў у 1573 г. з Віцебску да Дынабургу (Даўгаўпіліс) і занатаваў сучасны яму стан рэчаў.

Аб вайсковых падзеях Стрыйкоўскі, відавочна, піша са слоў непасрэдных удзельнікаў баёў. Ён быў знаёмым многіх военачальнікаў, асабіста ведаў Юрыя і Сімяона Слуцкіх, князёў Хадкевічаў ды інш., Крыніцамі звестак Стрыйкоўскага маглі быць таксама каралеўскія маніфесты, рэзцыі, творы іншаземцаў, газеты «Польскія ведамасці», «Дыярыўшы» (Рогаў А. Н.). Калі параўноўваць «Хроніку» Стрыйкоўскага з «Апісаннем Сарматіі Еўрапейскай» А. Гваніні (1578) (магчыма, гэта праца была напісана таксама Стрыйкоўскім, але выдадзена Александрам Гваніні, які быў начальнікам Стрыйкоўскага ў Віцебску (Ю. Радзішэўская)) і з «Запіскамі аб Маскоўскай вайне» Хейденштэйна (1584), бачна, што паведамленні Стрыйкоўскага больш грунтоўныя, у іх больш лічб, імёнаў. У Гваніні мы не знаходзім абставін, звязаных з узятцём рускімі войскамі Полацка ў 1563 г., аб колькасці войск, якія знаходзіліся ў горадзе (200 тыр. конніцы і 80 тыс. пешых), не называе ён і беларуска-літоўскіх ваявод (віленскі ваявода Ян Глебовіч, ротмістр Рыгор Галубіцкі, Пётр Дарагашкінскі), не піша аб выгнанні 20 тыс. «чэрні», г. зн. беларусаў з замку, не паведамляе аб пажары сцяны замку.

У апісанні бітвы на Уле ў 1564 г. дадзеныя Стрыйкоўскага таксама значна паўней. Ён дае поўны пералік забітых у баю ваявод маскоўскіх. Нават у тых выпадках, калі Гваніні і Хейденштэйн даюць у цэлым больш шырокае апісанне, як гэта мае мейсца ў апавяданні пра вяртанне Полацка ў 1579 г., альбо аб бітвах пад Сокалам, Веліжам ці Усвятамі, яны не звяртаюць такой увагі на персаналіі і лічбы, як Стрыйкоўскі. Таксама падрабязна ён апісвае ўзяцце войскам Стэфана Баторыя замкаў у Красным, Казянях, Сітне, Туроўлі, Сушы, Няшчэрдзе, Езерышчах.

Такім чынам, «Хроніка польская, літоўская, жамоіцкая і ўсёй Русі» Мацея Стрыйкоўскага з'яўляецца вельмі цікавай і ў некаторых выпадках адзінай крыніцай па гісторыі Лівонскай вайны на Беларусі (дарэчы, назва гэта не адпавядае сутнасці беларускай гісторыі і павінна быць зменена).

НОВАЯ КАТЭГОРЫЯ АРХЕАЛАГІЧНЫХ ПМНІКАЎ НА ТЭРЫТОРЫІ ПОЛАЦКАЙ ЗЯМЛІ (грунтовыя магільнікі X — XIII ст. ст.)

**Г. М. Семянчук,
ГДУ.**

Археалагічныя даследаванні апошніх пяці год на тэрыторыі Віцебскай вобл. (гістарычнай Полацкай зямлі) адзначаны шматлікімі новымі адкрыццямі. Да найбольш унікальных трэба аднесці выяўленне і пер-

шыя даследаванні грунтовых магільнікаў перыяду раанняга сярэднявечна каля в. Казлоўцы Міёрскага і в. Пашавічы Браслаўскага р-наў. Падобная катэгорыя археалагічных і помнікаў у Паўночнай Беларусі раней была невядома. У той жа час грунтовыя магільнікі з'яўляюцца характэрнымі для суседніх тэрыторый Латвіі і Літвы.

Грунтовыя магільнікі паміж вёскамі Казлоўцы ды Шніткі Міёрскага р-на быў выяўлены ў 1987 г., з дапамогай мясцовых жыхароў і настаўніка СШ № 3 г. п. Міёры Ермаленка В. А. У тым жа годзе помнік абследавала Л. У. Дучыц. У 1988—1990 гг. былі, праведзены археалагічныя раскопкі. Ускрыта 510 м².

Магільнік знаходзіцца на правым беразе р. Дзісны (Дзісенкі), 20 км на захад ад мястэчка Дзісна. Значная частка помніка знішчана кар'ерам, таму цяжка акрэсліць яго межы. Пад час археалагічных раскопак удалося выявіць 2 тыпа пахаванняў: крэмацыя (трупаспаленне) і інгумацыя (трупапалажэнне), а таксама вялікую колькасць авальных ям памерамі ад 1 да 3 м і глыбінёй 0,7—1,8 м і зольных плям. Ямы запоўнены вуглямі, перамешанымі з шэрай зямлёй. У адной знойдзены чэрап і косці каня, астатнія «пустыя». Яны мелі рытуальны сэнс.

Знойдзены рэшткі дзвюх трупаспаленняў: адно ў ямны дыяметрам і глыбінёй 0,2 м, другое раскідана па мацярыку на плошчы 50х50 см. Абодва безінвентарныя. Раскапана 7 трупапалажэнняў: 3 жаночых, 2 мужчынскіх і 2 дзіцячых. Касцякі арыентаваны галавой на захад (3), на ўсход (1) і на паўночны ўсход (1). Арыентыроўку дзіцячых выявіць было не магчыма.

Жаночыя пахаванні аказаліся шмат інвентарнымі. Знойдзены сярэбраныя, білонавыя і бронзавыя бранзалетападобныя скроневыя кольцы, так званага «крывіцкага тыпу», дыяметрам ад 5 см да 10,5 см; каралі са шкляных пацерак і грушападобных бубеньчыкаў з насечкамі і крыжападобнай прораззю; жоўты і блакітны бісер; жалезная тардзіраваная грыўна; бронзавыя бранзалеты вітыя з завязанымі канцамі, літыя са стылізаванымі зааморфнымі канцамі, пласцінчатыя з пашпыранымі канцамі і геаметрычным арнамантам; шырока сярэдзінныя пярсцёнкі; нажы; ляпныя і ганчарныя гаршчкі. Мужчынскія пахаванні былі безінвентарныя, толькі ў адным знойдзены нож.

Шмат рэчаў было сабрана ў кар'еры, сярод якіх, ёсць і вельмі рэдкія. У першую чаргу, гэта 3 скроневых пярсцёнападобных бронзавых кальца з сярэбранымі арнаменціраванымі пацеркамі, выкананымі зерню. На адным кальцы захавалася 3 пацеркі, магчыма такія ж былі і астатнія. Падобнае залатое трохпацернае кальцо знойдзена ў Барысаве (Штыхаў Г. В.). Заслугоўваюць увагі і 3 медныя падвескі ў выглядзе дырхемаў. Па заключэнню Мілюціна У. М., яны дагуюцца к. X — пач. XI стст. На адной падвеске адчаканены вонкавы бок саманідскага дырхема Насра ібн Ахмада (914—943 г.), на другой вызначаецца толькі надпіс «Для Аллаха, ва імя Аллаха», а трэцяя дрэннай захавацасці. Сабрана вялікая колькасць упрыгожванняў: шыйная дротавае грыўна, вітыя бранзалеты з завязанымі канцамі, пласцінчатыя бранзалеты са

сцілізаванымі зааморфнымі канцамі, шырока сярэдзінныя пярсцёнкі, шклянныя блакітныя і пазалочаныя пацеркі, бранзалетападобныя (крывіцкія) і пярсцёнападобныя скроневыя кольцы, спіральнае змеепадобнае кальцо. Знойдзены 2 наканечнікі капыя, каменная і жалезная сякеры, нажы, фрагменты ляпнога посуду.

Па наяўных матэрыялах і абрадах пахавання грунтовы могільнік каля в. Казлоўцы можна датаваць X—XII стст. Прыналежнасць знойдзеных рэчаў да розных этнасаў гаворыць аб змешаным балта-славянскім насельніцтве гэтага раёна. Трэба таксама падкрэсліць, што ўпрыгожванні грунтовага магільніка адрозніваюцца больш тонкай работай ад аналагічных з курганаў паўночна заходняй Беларусіі.

Грунтовы магільнік каля в. Пашавічы Браслаўскага р-на быў выяўлены вясной 1991 г., дзякуючы інфармацыі літоўскіх калег (А. Гірінінкас) і навуковага супрацоўніка Браслаўскага музея Шыдлоўскага К. С. У гэтым жа годзе былі праведзены археалагічныя раскопкі, ускрыта 190 м².

Магільнік знаходзіцца 1,5 км на паўднёвы захад ад в. Пашавічы, на мысу возера Дрысвяты. Частка яго таксама знішчана кар'ерам. Папярэднія даследаванні далі наступныя вынікі. Выяўлена 7 пахаванняў па абраду трупапалажэнне. 5 шкілетаў знаходзілася на спіне ў выпягнутым палажэнні галавой арыентаванай на захад; і пахаванне (дзіцячае)—захавалася толькі ліцавая частка чэрапа і некалькі костак; і 1 пахаванне ўяўляе сабою паўспалецыя косткі сабраныя ў кучу. Адзін шкілет быў у драўлянай труне памерамі 2,10 м х 0,6 м, ад якой захаваліся выразныя контуры ды 4 жалезных цвіка. Раскапана 4 рытуальныя ямы авальнай формы дыяметрам ад 0,6 м да 2,6 м, у якіх знойдзены рэшткі вогнішчаў, а ваксама косці жывёл і фрагменты ганчарнай керамікі.

Большая частка пахаванняў была шматінвентарнай. Сярод знаходак 2 ганчарных гаршчкі, 5 жалезных нажоў, 5 бронзавых і адно сярэбранае паўтараабаротных калечка, адзін мініяцюрны бранзалет з зааморфнымі канцамі, пацеркі (2 крышталёвыя, адна сердалікавая, адна шкляная пазалочаная), 2 касцяных грабенчыка, 2 бронзавыя лірападобныя спражкі, 2 паясных калца, крэсіва, ключ, вастрыё з рухомым калцом, брусок.

Знойдзены матэрыял і абрад пахавання дазваляе нам зрабіць першыя высновы наконт грунтовага магільніка каля в. Пашавічы. Помнік датуецца XI—XIII стст. У ім пераважаюць этнічна славянскія элементы. Падобнасць некаторых рэчаў (крэсіва, грабенчыкі, кераміка, спражкі, калечкі) да аналагічных з паселішча, якое з'яўдзіцца на востраве воз. Дрысвяты «Замак», блізкае размяшчэнне аднаго ад другога дазваляюць меркаваць, што помнік каля в. Пашавічы з'яўляецца магільнікам апошняга. А так як археалагічныя даследаванні апошніх дзесяцігод даказалі, што на востраве «Замак» размяшчаўся раннесярэднявковы горад Полацкай зямлі, не зафіксаваны на старонках летапісаў ды хронікі таго часу, то мы можам лічыць грунтовы могільнік каля в. Пашавічы першым вядомым гарадскім могільнікам XI—XIII ст. у Паўночнай Беларусі.

Такім чынам, грунтовыя магільнікі Х—ХІІІ стст. выяўленыя на тэрыторыі гістарычнай Полацкай зямлі грунтоўна пашыраюць нашы ўяўленні аб жыцці да культуры нашых продкаў. Паказваюць пэўную асаблівасць гатага рэгіёна ў этнічным аспекце. Дазваляюць на новаму глядзець на працэсы генезісу першай дзяржавы на тэрыторыі Беларусі — Полацкай зямлі.

О ЯНТАРЕ Х — XIII вв. НА ЗАПАДНОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ.

**З. М. Сергеева,
ИА РАН.**

Целенаправленным исследованием янтарных находок древнерусского периода занимались Е. А. Рыбина по новгородским материалам, В. Н. Зоценко по находкам из раскопок Киева и Р. Л. Розенфельдт, обобщивший сведения по всей Руси.

Исследователи единодушны в том, что основная масса сырья обрабатывалась в местных мастерских. Но относительно его источников мнения расходятся. В. Л. Розенфельдт считал главным поставщиком янтарного сырья на Русь Прибалтику. Е. А. Рыбина полагает, что в домонгольский период в Новгород янтарь поступал из Приднепровья. В. Н. Зоценко приходит к выводу о прибалтийском происхождении янтаря Х — XI вв., а янтарь XII — XIII вв. в массе склонен относить к днепровскому. Им же высказана мысль о транзите прибалтийского янтаря через Киев.

Что же даёт анализ археологических материалов западнорусских земель.

Всего удалось зафиксировать 75 памятников с находками янтаря. Абсолютное большинство принадлежит необработанным кусочкам жёлтым и красноватым по цвету (более 1000 экземпляров из 19 пунктов). Особенно часто находки янтарного сырья отмечаются в городах Понеманья и Подвинья. Обнаружены скопления кусочков, брака и готовых изделий в Полоцке, в Гродно, в Клёцке. Не раз замечено сосредоточение янтаря около ювелирных мастерских. Все эти данные подтверждают, что и на западнорусской территории обработка янтарного сырья производилась преимущественно на местах.

Подделки из янтаря представлены бусами, крестиками, перстнями, подвесками, вставками, пряслицами.

Наиболее многочисленны бусы (более 230 экземпляров из 71 пункта). Бытуют с Х по XIII в. Преобладающее количество обнаружено с материалами XI — XII вв. Концентрация находок приходится на бассейн Днэпра, Миньшину и бассейн Немана.

Формы бус разнообразны. Среди них по количеству и широте распространения выделяются битрапецидные и бипирамидальные.

Из топографии типов бус выясняется, что битрапециодные, бочонковидные, шаровидные, круглые плоские концентрируются в Подвинье, на Миньщине и в Понеманье. Они имеют аналогии как в синхронных так и в более ранних древностях Прибалтики. Вероятно часть таких бус можно рассматривать как прибалтийский импорт, другие как местные изделия, но возникшие под влиянием прибалтийских форм.

Бусы бипирамидальные, призматические наоборот сосредоточены в бассейне Днепра, хотя отдельные находки встречены и в западных районах. Такие формы бус подобны сердоликовым, которые были особенно распространены на этой же территории в XI нач. XII вв. Можно предположить, что янтарные бипирамидальные и призматические бусы изготовлены либо под влиянием форм восточных бус в местных мастерских, либо в южнорусских, ибо в киевских ювелирных мастерских XII — XIII вв. обнаружены целые экземпляры и полуфабрикаты таких форм янтарных бус. Однако это не даёт основания считать, что они изготовлены из днепровского сырья. Здесь можно лишь видеть путь их движения на западнорусские земли вместе с другими категориями киевского импорта.

Крестики найдены только в городах. Датируются XII — XIII вв. Основные районы находок — Подвинье, Понеманье, Попприятье. Большинство аналогий прямоугольным крестикам с квадратным средокрестием известно из южнорусских городов, а ромбовидным стилизованным — из северо-восточных областей Руси.

Перстни обнаружены в городских слоях XII — XIII вв. География находок совпадает с районами распространения крестиков. Привески трапецевидной формы. Время бытования X — XIII вв. Большинство находок происходит из западных областей. Возникли под влиянием прибалтийских изделий.

Таким образом сравнительный анализ и топография янтарных находок западнорусских земель указывают на значительное сосредоточение сырья и многих предметов, в том числе и однотипных с прибалтийскими в западных районах, что может свидетельствовать о поступлении главной массы сырья и ряда поделок из Прибалтики. Кроме того намечается поступление днепровским путём некоторых готовых изделий местных форм из городов Киевского Приднпровья.

ГРАМАДСКА-ПАЛТЫЧНЫ РУХ НА ПОЛАЧЧЫНЕ Ў ЧАС ВАЙНЫ 1812 ГОДА

**С. В. Таляронак,
ІГ АНБ.**

Грамадска-палітычны рух на Беларусі наогуле і на Полаччыне ў прыватнасці ў час франка-рускай вайны 1812 г. характарызаваўся падтрымкай мясцовымі ўладамі французскіх войск. Мясцовае кіраўніцтва,

якое складалася з палякаў і паланізаванага беларускага дваранства, каталіцкія святары ўскладалі пэўныя надзеі на Напалеона. Яны спадзяваліся, што французскі імператар спачатку аднавіць Вялікае княства Літоўскае, а затым і Рэч Паспалітую ў межах 1772 года.

З надзеяй на гэта яны з радасцю сустрэлі з'яўленне пад Полацкам, які ў гэты час быў павятовым горадам Віцебскай губерні, французскі акупацыйны корпус пад камандаваннем маршала Шарля-Нікаля Удзіно.

На акупіраванай тэрыторыі Беларусі Напалеон стварыў Камісію Часовага ўрада Вялікага княства Літоўскага, жадаючы паказаць шляхце, каталіцкім святарам, што такое кіраванне з'явіцца першай ступенню ў справе адраджэння Рэчы паспалітай. Пад юрысдыкцыю Камісіі падпалі губерні Віленская, Гародзенская, Мінская, а таксама Беластоцкая вобласць.

У Полацку, як па ўсёй Віцебскай і Магілёўскай губернях, таксама было ўведзена польскае кіраванне пад наглядам французскіх генералаў, але без падпарадкавання Камісіі Часовага ўрада Вялікага княства Літоўскага. Аднак хутка польскае кіраўніцтва губерняў, павеатаў, якое не магло справіцца з задачай забеспячэння французскіх войск харчаваннем, фуражом і г. д. стала напружана замяняцца французскім. Задуму французскіх чыноўнікаў аб тым, што кіраўніцтва Полацка і павету, якое складалася з мясцовых польска-беларускіх дваран назначаных на пасады французамі і якіх сяляне добра ведалі, дапаможа легка рэквізаваць у апошніх прадукты харчавання, фураж, коней, падводы і г. д. на патрэбу французскай арміі праваліліся. Сяляне павету, якіх і без гэтага бязлітасна рабавалі французскія салдаты, не жадалі забяспечваць акупантаў.

У канцы лета — пачатку восені 1812 г. войскі корпуса маршала Ш.-Н. Удзіно атрымалі пад Полацкам перамогу над рускімі войскамі. З гэтае нагоды ў касцёлах горада прайшлі багаслужэнні за «непераможнае войска вялікага Напалеона». Каталіцкія святары, прадстаўнікі манашаскіх ордэнаў, якія існавалі ў Полацку — францысканцы, бернардцы, дамініканцы, базыльяне, іезуіты — цалкам падтрымалі Напалеона. Ксяндзы іезуіцкай акадэміі — вышэйшай каталіцкай навучальнай установы на Беларусі, якая знаходзілася ў Полацку, прапагандавалі сярод апалячанай беларускай моладзі ідэю адраджэння Рэчы Паспалітай у межах 1772 года, і сцвярджалі, што французскі імператар абавязкова ажыццявіць гэтую ідэю. Польска-беларуская дваранская моладзь у Полацку і Полацкім павеце таксама падтрымала французскія войскі.

Такім чынам, на нашу думку, на Беларусі наогуле і на Полаччыне ў прыватнасці ў час вайны 1812 года панавала польская нацыянальная ідэя — адраджэнне Рэчы Паспалітай у межах 1772 года. Яе галоўнымі носьбітамі тут былі палякі, каталіцкія святары, а таксама паланізаванае беларускае дваранства, якое да гэтага часу цалкам перайшло ў каталіцызм і пераняла польскі лад жыцця. Селянства Полаччыны ў асноўнай масе выступіла супраць французскіх заваеўнікаў, аберагаючы сваю маёмасць. Аднак архіўныя дакументы не даюць доказаў, што ў гэты час

яно з'яўлялася колькі-небудзь істотным фактарам грамадска-палітычнага руху ў павесе.

ДЭМАГРАФІЧНАЯ СТРУКТУРА ПОЛАЦКА XI — XVII ст.ст. ПА ГІСТОРЫКА-АРХЕАЛАГІЧНЫХ КРЫНІЦАХ

**С. В. Тарасаў,
ІГ АНБ.**

Значную цікавасць уяўляюць пытанні дэмаграфічнай структуры Полацка на розных этапах яго існавання. Для старажытнага горада XI — ст. ст. такая спроба была ўпершыню зроблена Г. Штыхавым, для — XVII ст.ст. — 3. Капыскім. Але выкарыстаная метода польскіх археолагаў у першым выпадку і не дакладнае ўяўленне полацкай тапаграфіі ў другім, не дазволілі ў поўнай ступені адлюстраваць дынаміку развіцця полацкай дэмаграфіі.

На падставе шматгадовых археалагічных раскопак у Полацку як аўтарам, так і папярэднікамі, з'явілася магчымасць прымянення для вырашэння дадзенай праблемы новай методы, якая была прапанавана П. Талочка. На сённяшні дзень, на нашу думку, яна з'яўляецца найбольш дакладнай. Сутнасць гэтай методы зводзіцца да двух пунктаў: 1) Вызначэнне агульнай заселенай тэрыторыі горада для пэўнага перыяду; 2) Вызначэнне памераў сярэднестатыстычнай гарадской сядзібы.

У IX — пач. XI стст. агульная гарадская тэрыторыя Полацка складала каля 40 га. Пры гэтым мы ўлічваем, што далёка не цалкам было заселена Запалоцце, Верхні замак і Вялікі пасад. Разам з тым у гэтых храналагічных межах трэба вылучыць этап фарміравання першапачатковай гарадской тэрыторыі IX — X стст., калі памеры Полацка складалі каля 8 га. З сярэдзіны XI па XIII стст. горад дасягнуў сваіх максімальных памераў для раннефеадальнага перыяда. У XIII ст. яго плошча была роўная каля 120 га. У XVIII ст.ст. яна фактычна не змянілася. Але за лік Задзвінскіх пасадаў дасягнула памераў не больш за 160 га. І на апошнім этапе нашай храналогіі — у другой пал. XVI — XVII стст. Полацк займаў плошчу каля 200 га.

Складаней справы з падлікам памераў сярэднестатыстычнай сядзібы горада на розных этапах яго фарміравання. Для IX — X стст. матэрыялы раскопак аўтара на Ніжнім замку 1986, 1989/90 гг. У адным з раскопаў была ўскрыта частка жылога комплексу, абмежаваная з дзвух бакоў плеченым плотам. Выходзячы з таго, што даўжыня наўраці магла перавышаць шырыню ўдвая, памеры сядзібы вызначаны каля 70 кв. м. У раскопе 1989/90 гг. ня плошчы 400 кв. м. былі даследаваны фрагменты 4 жылых комплексаў. Памеры кожнага з іх не маглі перавышаць 100 кв. м. Такім чынам памеры сярэдняга жылога комплексу ў Полацку IX — X стст. магчыма лічыць роўнымі каля 90 кв. м. Плотнасць

жылой забудовы Кіева гэтага перыяда складае 60 — 70%. Для Полацка гэтага часу нам здаецца справядліва прыняць лічбу 70%. Такім чынам у першапачатковым Полацку на плошчы 8 га магло пражываць амаль 4 тыс. чалавек з умоваю, што на адной сядзібе жыла сям'я з 6 чалавек.

Адносна XII — XIII стст. у нашым карыстанні маецца канкрэтны гістарычны матэрыял, які здабыты на падставе раскопак Г. Штыхава 1959 — 1960 і 1961 — 1962 гг. У адзін з раскопаў цалкам увайшоў сядзібны комплекс, агульныя памеры якога склалі 288 кв. м. Памеры дадзенай сядзібы адпавядаюць памерам сярэднестатыстычнай сядзібы Кіева таго ж перыяду. Супадзенне гэтае не можа быць выпадковым. Разам з тым трэба адзначыць, што ў горадзе (на Вялікім пасадзе) існавалі і большыя па памерах сядзібы. Прыняўшы памеры сядзібы ў 0,03 га за сярэднія, з улікам паказальніку плотнасці жыллёвай забудовы (60%), мы атрымаем колькасць сядзіб у горадзе — 2400, жыхароў — 14400 чалавек.

Разлік колькасці жыхароў Полацка для сярэдзіны XVI ст. спрашчаецца тым, што ў Полацкай Рэвізіі 1552 г. маецца пералічэнне колькасці гарадскіх двароў. На гэтай падставе польскі гісторык С. Аляксандравіч, а ўслед за ім і Г. Штыхаў лічаць, што ў Полацку гэтага часу жыло каля 11500 чалавек. З. Капыскі лічыць, што ў горадзе таго часу жыло да 50 тыс. чалавек. Але ў апошняга маецца пэўная блытаніна ў разуменні «Островского» і «Острогского» пасадаў. Да таго ж «Острогский» пасад ставіцца ў супроцьвагу Вялікаму пасадку, у той час як на самай справе гэта адзін і той жа пасад.

Для падліку жыхароў Полацка XIV — XVII стст. намі было прыменена некалькі метадок, у тым ліку змешаная з выкарыстаннем як пісьмовых крыніц, так і археалагічных. Значную ролю ў гэтым адыгрывае неабходнасць улічыць не толькі колькасць сядзіб, іх памеры ў розных раёнах горада, але нават плошчу, якую займалі гарадскія абарончыя збудаванні, плотнасць засялення. У залежнасці ад колькасці чалавек на адной сядзібе (5 альбо 6), атрымалася, што ў Полацку адзначанага часу магло жыць ад 19350 да 44100 гараджан. Сярэднеарыфметычна — 31725 чал. Прыблізна да такога ж выніку мы прыходзім пад час разліку колькасці жыхароў Полацка з дапамогаю Полацкай Рэвізіі 1552 г. З улікам папраўкі таго ж З. Капыскага на «на чорны і просты люд» атрымаем колькасць палачанаў — 34662.

Такім чынам, карыстаючыся рознымі варыянтамі падлікаў, мы спыняемся на той думцы, што ў XV — XVI стст. у Полацку жыло каля 30 тыс. чалавек.

Звяртае ўвагу тое, што адпаведна пранаваным падлікам і храналогіі гісторыка-тапаграфічнай структуры Полацка, пачынаючы з XI ст., насельніцтва горада падвойвалася кожнае стагоддзе. Безумоўна таксама тое, што з IX па сярэдзіну XVI стст. колькасць жыхароў неадступна павялічвалася. Гэты натуральны працэс парушыўся і стаў непрадказальным з таго моманта, як горад пад час новага вітку Расейска-Лівонскіх

войнаў быў гвалтам заняты войскам І. Грознага. Паглыблялі гэтае становішча недароды, стыхійныя бедствы. Усё гэта прывяло да таго, што па дадзеных перапіса 1654 г. у Полацку засталася жыць усяго 5 тыс. чалавек.

ПОЛОЦКАЯ ЕПАРХІЯ І НАРОДНАЕ ОБРАЗОВАНИЕ (на прымере Полоцкага уезда)

**Е. Н. Філатова,
ИИ АНБ.**

После отмены крепостного права в губерниях открывается сеть народных училищ, которые находились в ведении дирекции народных училищ. Но для обучения населения грамоте этого было недостаточно. И в 80-х гг. XIX в. епархиями открывается большое количество церковно-приходских училищ, в основном в местечках и селах, где были приходские церкви. В деревнях же, которые находились далеко от центра прихода, открывались школы грамоты. В первые годы в народных училищах и церковно-приходских школах учителями были в основном священники, т. к. не хватало учителей, в дальнейшем они оставались законоучителями. Для ЦПШ сельское общество предоставляло отдельный дом. В Полоцком уезде, где сельское население жило преимущественно небольшими поселениями, разбросанными друг от друга, самым подходящим был «передвижной» тип школы грамоты, которая по мере надобности переходила из одной деревни в другую, и не имела собственного здания. Учителями в школах грамоты, в отличие от церковно-приходских и народных училищ, зачастую были грамотные крестьяне, отставные солдаты, писаря. И занятия начинались в зависимости от условий крестьянской жизни, т. е. не ранее окончания осенних полевых работ и пашбы окота в конце октября, и даже в ноябре, и кончались с началом весенних работ. Финансировались эти два вида школ, частично церковью, сельскими обществами, пожертвованиями, часть денег должны были платить водители. Расход денег, например, на школу грамоты составлял 57 руб. в год. Крестьяне, считавшие церковно-приходские школы более духовными, чем народные училища, тем не менее неохотно соглашались платить за учебу, даже если это был один рубль в год и предпочитали не отправлять своих детей (особенно девочек): в школу. В 1892 — 93 Уч. г. в Полоцком уезде было 19 ЦПШ: в Полоцке при Покровской церкви Иоанна-Богословской и при Спасо-Евфросиньевском женском монастыре, в селах — Белом, Екимане, Струнье, Туржце, Усвице, Соснице, Добее, Митковичах, Улазовичах, Станиславове, Оболь-Онуфриевске, Шатилове, Межеве (2 кл.), Говчице, Мурагах и м. Сиротин 13 школ грамоты в деревнях Зюзине, Муравец, Залесье, Тупичине, Оболь-Онуфриевске, Прыгунове, Мазурине, Верхоченье, Новиках, Базылеве, Запрудье, Заболотье, им. Анненском. В них обучалось: в ЦПШ — 574 мальчика и 82 девочки, в школах грамоты 99 мальчиков и 39 де-

вочек. Из них православных 637 мал. и 105 дев., 27 мал. католиков и 19 лютеран.

Учебниками и пособиями школы снабжал Епархиальный училищный совет, которые ежегодно приобретал издания Училищного совета при Св. Синоде. Пользовались: «Наставления в законе Божиим» протоиерея П. Смирнова, «Книга для чтения и письменных работ по русскому языку в ЦПШ» Д. Попова, «Русская грамматика в диктовках» А. Матвеевой и др. учебниками и пособиями.

Занятия начинались в 8-30 и с перерывами были до 13. В школах с общежитиями и ночлежными приютами, после отдыха, с 16 до 20 часов дети, готовили уроки. В школах без общежитий с 14 до 16 дети готовили уроки, затем расходились по домам. Обязательным было посещение церкви для всех (даже для иноверцев), где ученики участвовали в клиросном чтении и пении и прислуживали в алтаре, исповедовались в св. Четыредесятницу. На занятиях изучался Закон Божий, церковное пение, славянское чтение, русский язык, арифметика, чистописание. В ЦПШ Полоцкой епархии проводились сельскохозяйственные, ремесленные и рукодельные занятия. Ремесленные отделения существовали в 2 школах: Полоцкой 2-х классной Иоанно-Богословской и Межевской 2-классной. Рукоделие преподавалось в Ловожской, Оболь-Онуфриевской, Юровичской и смешанной Межевской 2-классной женских школах¹.

Почти во всех школах Полоцкой епархии в нач. XX в. проводились внеклассные чтения для учеников, но на которые приглашались родители и при этом использовались волшебные фонари.

К 1914 г. в Полоцком у. уже не было школ грамот, главной причиной исчезновения которых явилось открытие земских одноклассных школ. Тоже происходило и с церковно-приходскими школами, которые вытеснялись народными училищами. Сохранились: 2-классная, Иоанно-Богословская, Спасо-Евфросиниевская и железнодорожная в Полоцке, Сиротинская, Сосницкая, Ловожская, Ситнянская, Улазовичская, Межевская, Плаксинская, Лутовская. Дополнительно к основным занятиям в школах железнодорожной, Иоанно-Богословной велось преподавание военного строя и гимнастики, огородничество, корзиноплетение, переплетное ремесло³.

Население Полоцкого уезда к концу XIX в. составляло 141841 человек (из них мужчин — 70127, женщин — 71714), а Полоцка - 20294 (муж. — 9749, жен. - 10545). Грамотность была в уезде — 16,3%, в городе — 39,6%. Несмотря на то, что церковно-приходских школ и школ грамоты в исследуемый период было очень мало на такое количество населения и обучение на русском языке, они сыграли, благодаря церкви, свою положительную роль в обучении грамоте, в первую очередь сельского населения.

-
1. Отчет Витебского православного братства за 6 лет его существования и о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Полоцкой епархии за 1892/93 уч. г. Вт, 1894, с. 70, 62, 76.

2. Отчет Полоцкого епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ грамоты Полоцкой епархии в 1902—3 уч. г. Вт, 1904, с. 29, 34, 37.
3. Отчет Полоцкого епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских и школ грамоты Полоцкой епархии в 1912 — 1914 гг. Вт, 1914, с. 18, 39, 43.

СРАВНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РОСПИСЕЙ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ в г. ПОЛОЦКЕ И СОБОРОВ XII в. г. ВЛАДИМИРА

**М. М. Цейтлина,
БРПИ.**

Техника древнерусской живописи сравнительно мало исследована. Привлекаемая в искусствоведческих трудах как вспомогательный материал, она редко становится предметом специального изучения. А в тех немногочисленных работах, которые посвящены технике древнерусской живописи, мы подчас находим не совсем точную интерпретацию. Судить об эволюции живописных приемов можно не столько по сохранившимся уставам, сколько на основе изучения произведений живописи посредством современных физических и химических методов.

В физико-химической лаборатории института БРПИ было проведено комплексное исследование технологических особенностей стеной живописи Спасо-Преображенского собора г. Полоцка (XII век), церкви Покрова на Нерли и Золотых ворот (XII век) г. Владимира, церкви Бориса и Глеба (XII век) в селе Кидекше под Суздалем.

Как известно, полоцкий и владимирские соборы принадлежат к числу наиболее ранних памятников Древней Руси. Однако, несмотря на то, что вся эта группа памятников расписана почти в одно и то же время и относится к одной традиции, росписи существенно различаются по технологическим характеристикам.

Для всех вышеупомянутых памятников общим является только использование в живописном грунте более чем на 90% известкового вяжущего и около 1—2% фибрового наполнителя. При этом в полоцком соборе грунт стенописей по внешнему виду — розовато-белого цвета, во владимирских — белый. Розовую окраску раствору придает цемьянка. Отощающими добавками живописных левкасов Дмитриевского собора и ц. Покрова на Нерли является дробленый микротонкозернистый известняк. В штукатурке росписей Золотых ворот, наряду с дробленым известняком установлена небольшая добавка кварцевого песка. В грунтах росписей церкви Бориса и Глеба в селе Кидекше отошающих добавок не обнаружено. Он состоит из чистой извести с небольшим количеством естественной примеси угля и песка.

Еще больше различий выявлено в подборе красок и системе работы с ними.

Красные красящие вещества росписей Спасо-Преображенского собора представлены различными по составу цветными глинами и глинистыми породами. Наиболее распространенными красными пигментами росписей ранних владимирских храмов являются киновари различных оттенков.

Для зеленого цвета полоцкого памятника использовались глауконитовые породы. В зеленом красочном слое владимирских соборов установлена смесь глауконита с небольшим количеством малахита.

Мастера, работавшие в исследованных памятниках, не только пользовались различными пигментами, но, что еще более важно, исполняли живопись в разной технике. Роспись Спасо-Преображенского собора преимущественно исполнялась в технике all-fresco.

Для росписей владимирских храмов характерна иная техника письма. В этом случае краски разбеливались известково-каолиновым составом, в который добавлялся растительный клей.

Ранее нами сообщалось о значительных различиях в технике росписей Софийского собора (Полоцк, XI век) и Спасо-Преображенской церкви (Полоцк, XII век).

Рассмотрение даже сравнительно небольшой группы памятников XII века позволяет предположить, что это было время начала поисков в области технологии и, по-видимому, техники живописи.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НА БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКО-ЛАТЫШСКОМ ПОРУБЕЖЬЕ в I тыс. н. э.

**В. И. Шадыро,
ИИ АНБ.**

В первых веках н. э. на пограничной территории Белоруссии, Латвии и Литвы обитали племена со штрихованной и гладкостенной керамикой культур раннего железного века. Это были балтские и частично финноязычные племена, четкое членение которых для этого периода провести практически невозможно. Они относились к западнодвинской и днепро-неманской группировке восточных балтов, а также к финноязычным племенам, обитавшим в незначительной степени в правобережном бассейнах р.р. Ловати и Великой.

В период миграционных процессов «переселения народов» для порубежного района характерно расселение с середины I тыс. н. э. с одной стороны – носителей прибалтийского круга древностей с облитой (шероховатой) керамикой; с другой – древностей типа Банцеровско-Гушемлянской культуры (БТК) в ее западнодвинском (автокинском) ва-

рианте. Распространение облитой, а также керамики типа с городищ Мукукалнос, Кентескалнос зафиксированы в Белоруссии вплоть до срединной части Полоцкого Подвинья. Здесь же и можно провести разграничение (Освея-правобережье Дриссы-левобережье Дисны) этих древностей с БТК атокинского варианта, с характерными типами керамики, украшений, погребальных сооружений в форме длинных курганов. Своеобразие БТК западновинского региона связано в основном с балто-финским симбиозом и какой здесь элемент доминировал сказать пока трудно. Не исключены и славянские импульсы.

Ранние длинные курганы Полотчины, являясь южной окраиной их основного ареала, исследователи характеризуют как полиэтнические (балто-финно-славянские). Более определенный характер носят круглые курганы VIII—IX вв., связанные с новой волной славянской (кривичской) инфильтрации в балто-финской среде. Курганы рассматриваемого региона ближе к псковской группировке чем к смоленской культуре длинных курганов.

На протяжении VIII—IX вв., кривичи постепенно ассимилируют или вытесняют местное население и, конкретно в данном регионе летописную «летьголу» и, вероятно, известную по ПВЛ «норову». Для северо-запада Белоруссии весьма характерны топонимы типа Наровы, Нарути, Нарушево, Нурово и т. д.

Картографирование топонимов с основой «нор», «нур», «нар» (около 20), а также с основой «крив», «крев» (24), связанные с этнонимом «кривичи» дает порубежную полосу двух соседствующих этногруппировок: с одной стороны — финоязычной норовы, а с другой балтославянских кривичей. Но еще ранее, «летьгола» и «норова» обитали значительно выше по Зап. Двине и, не исключено, что ранние длинные курганы принадлежали и этим племенам. Своеобразие полочан, которые занимают особое место в кривичском союзе племен вызваны, видимо, балто-финским субстратом и сложными этногенетическими процессами имевшими место во 2-ой пол. I тыс. н. э. в Белорусском Подвинье.

С активизацией колониционной политики Руси местные племена вытесняются на север и запад. Но еще долгое время регион белорусско-прибалтийского порубежья оставался полиэтничным районом. В распространившихся здесь в XI—XII вв. славянских курганах с труположением констатированы и балто-финские древности. В материальной культуре населения вплоть до позднего средневековья сохранились элементы этой разнотичности.

«ОТЧИНА» И «ЖИЗНЬ», «СЕЛО» И «ДОМ» ПОЛОЦКИХ КНЯЗЕЙ

**Г. В. Штыхов,
ИИ АНБ.**

Полоцк и его волость впервые упомянуты в летописи под 862 годом. Наличие династии полоцких князей, права которых сохранялись на протяжении поколений в X—XIII вв., являлось реальностью Полоцкой

земли как самостоятельного государства. В рассказе о событиях, происходивших в 70-80-е годы X в., когда княжил и был убит Рогволод, о Полоцкой земле речь идет как об отчине его дочери Рогнеды («воздвигни отчину ея и даи ей с сыном своим»). В X—XI вв. «отчина» — это земля предков. Постепенно «отчина» превращается в «вотчину», т. е. в собственность рода. Когда Владимир Святославич отдал Полоцкую землю Изяславу, своему сыну от Рогнеды, Полоцк вскоре вновь обособляется, являясь «отчиной» потомков Изяслава (Брячислав, Всеслав и др.). В XII в. в Полоцкой земле наблюдается устойчивое разделение на отчины отдельных линий Всеслава (умер в 1101 г.). Глебовичи сохраняли за собой Минск, Борисовичи — Друцк, Васильковичи — Витебск. Власть полоцкого князя над «отчиной» имела для него значение поскольку сама «отчина» была заселена крестьянами. Князья нуждались в «данах», «кормлениях» и других доходах, получаемых с населения.

В Ипатьевской летописи под 1159 г. говорится о «жизни» как владении полоцких князей. У Рогволода Борисовича «братья его взявше под ним волость его и жизнь его всю». Затем полочане обращаются к Рогволоду со словами: «и жизнь твою всю разграбихом и твоя дружины...». Здесь «жизнь» обозначает личное имущество князя, его собственность. Речь идет также о «жизни» дружинников князя. Вероятно, в Полоцкой земле в XII в. кормление означало не только право сбора доходов с волости, а подобие феодального условного держания. Рогволод Борисович, будучи князем в Полоцке, считал невозможным передать город Изяславль с волостью Всеволоду Глебовичу, ибо этот город следовал Брячиславу Васильковичу («того бо быше отчина»).

В жизнеописании преподобной Евфросинии Полоцкой названо Сельцо, принадлежавшее полоцкому епископу Илье. Сельцом тогда обычно называлось имение какого-либо владельца, где он жил сам или где имел усадьбное хозяйство. В таком значении нужно понимать «Сельцо» близ Полоцка, часть которого была отдана епископом Евфросинией в 20-е годы XII в. В Сельце находилась деревянная «церковца», а затем преподобная Евфросиния построила кирпичный Спасский собор. При оформлении собственности на землю требовалось присутствие авторитетных лиц в качестве свидетелей. Ими были полоцкие князья и бояре, которые, выслушали речь епископа о передаче земельного участка и «ехаша в дома своя».

Под «домом» нужно понимать комплекс двора, совокупность построек и хозяйственных угодий. Такой двор представлял собой замкнутое целое и был огорожен. В данном случае слово «дом» употреблено несколько раз именно в значении «двор» князя-феодала.

Итак, термины «отчина», «жизнь», «село», княжеский «дом» (двор) в приведенной выше интерпретации — признак наличия в Полоцкой земле в XII-XIII вв. феодального уклада. Это не исключало существования других социальных укладов: родоплеменного и рабовладельческого. Разноукладность, наличие в рамках одного общества двух и более общественных форм характерная черта многих раннесредневековых государств.

ЕЩЕ РАЗ О НАДПИСИ XI в. НА КАМНЕ ИЗ СОФИЙСКОГО СОБОРА В ПОЛОЦКЕ.

Т. В. Рождественская,
Санкт-Петербург, университет

1. В результате архитектурно-археологических исследований в полоцком Софийском соборе, проводившихся В. Д. Булкиным в 70-е гг., был найден камень с надписями, лежащий в основании южной стены собора (Булкин, Рождественская, Тарасов). Центральная надпись на поверхности камня датируется временем строительства собора — серединой XI в.: «Давыдь. Тоума. Микоула. Къпсь. Тоума а /л/». Имена, перечисленные в надписи, принадлежали, по-видимому, членам строительной артели, и, судя по их фонетическому облику, людям местного происхождения.

2. Надпись на камне принадлежит к числу древнейших памятников восточнославянской эпиграфии, письменных текстов Полоцкой земли. В первоначальной публикации в слово «Къпсь» после «к» мы читали букву «ъ». Однако в дальнейшем удалось уточнить это чтение. На самом деле там находится буква «ь», что, вообще говоря, нарушает фонетический характер слога. Древность текста не позволяет считать замену этимологического *ъ* на *ь* простым следствием падения редуцированных гласных. В этой надписи и в слове «Давыдь», и в том же слове «Къпсь» на конце слов нормативный *ъ* заменен на *ь*. Этот факт позволяет предполагать, что вся надпись в целом выполнена т. н. одноеровой графикой, при которой для обозначения двух разных редуцированных гласных используется только одна буква (либо «ъ», либо «ь»).

3. Такая одноеровая графика хорошо известна в южнославянских (древнеболгарских) надписях и рукописях X—XI вв. В качестве характерной особенности кирилло-мефодиевского письменного наследия одноеровая графика известна и в памятниках письменности Древней Руси не только в рукописях XI в., но и, как показывают новые эпиграфические находки и новые интерпретации известных ранее надписей, в эпиграфике дохристианского времени (надпись на новгородском деревянном цилиндре, надпись Людоты на мече и др.). Надпись XI в. на камне из Полоцка входит в тот же круг одноеровых эпиграфических источников.

4. Если одноеровые древнерусские рукописи XI в., в основном, принадлежат киевской книжной традиции, то одноеровые эпиграфические памятники относятся к Северной (Новгородской) и Западной (Полоцк) Руси. К тому же, древнейшие одноеровые надписи старше одноеровых рукописей по меньшей мере на полстолетия. Если существование одноеровой графики в книжных памятниках можно объяснять воздействием древнеболгарских протографов, то относительно надписей (в силу аутентичности их текста) такое объяснение затруднительно. Надпись на камне из полоцкого Софийского собора таким образом, оказывается связанной с вопросами первоначального распространения и освоения на Руси кирилло-мефодиевских письменных традиций.

ПОЛОЦК КАК ЦЕНТР РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В. А. Салеев,
Белорусская эстетическая ассоциация.

1. Полоцк и переплетение культурных первооснов традиций протобалтов и кривичей.
2. Полоцкая земля в системе древнерусской культуры. Синтез языческой и христианской (православной) парадигм в культуре Полоцкой земли.
3. Полоцк и проблемы становления протобелорусской культуры.
4. Влияние Полоцка на формирование культуры Великого княжества Литовского. Ведущая роль белорусской культуры в XIV—XVI вв. в культурном пространстве Великого княжества Литовского.
5. Полоцк и специфика белорусского возрождения в структуре европейского Возрождения.
6. Полоцк и униатская парадигма культуры на белорусской земле Полоцкая академия и проблема католической ментальности. Влияние польской культуры (XVII — нач. XIX в.) на аутентичную белорусскую культуру.
7. Полоцк и традиции еврейской и российской культур. Влияние российской культуры на аутентичную белорусскую культуру.
8. Полоцкая земля и процессы белоруссизации (XX в.).
9. Полоцк как центр региональной культуры: тенденции и перспективы (конец XX в.).

СПІС СКАРАЧЭННЯЎ

беларускамоўныя

БДУ	—	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
БРПІ	—	Беларускі рэстаўрацыйна-праектны інстытут
ГДУ	—	Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт
ІГАНБ	—	Інстытут гісторыі Акадэміі Навук Беларусі
Сп ДІК	—	С. Пецярбургскі дзяржаўны Інстытут культуры
ПГКЗ	—	Палацкі гісторыка-культурны запаведнік

рускомоўныя

БГУ	—	Белорусский государственный университет
БРПИ	—	Белорусский реставрационно-проектный институт
ГГУ	—	Гродненский государственный университет
ИА РАН	—	Институт археологии Российской Академии Наук
ИИ АНБ	—	Институт истории Академии наук Беларуси
КГПИ	—	Киевский государственный педагогический институт
КГУ	—	Киевский государственный университет
МГУ	—	Московский государственный университет
ПИКЗ	—	Полоцкий историко-культурный заповедник.